

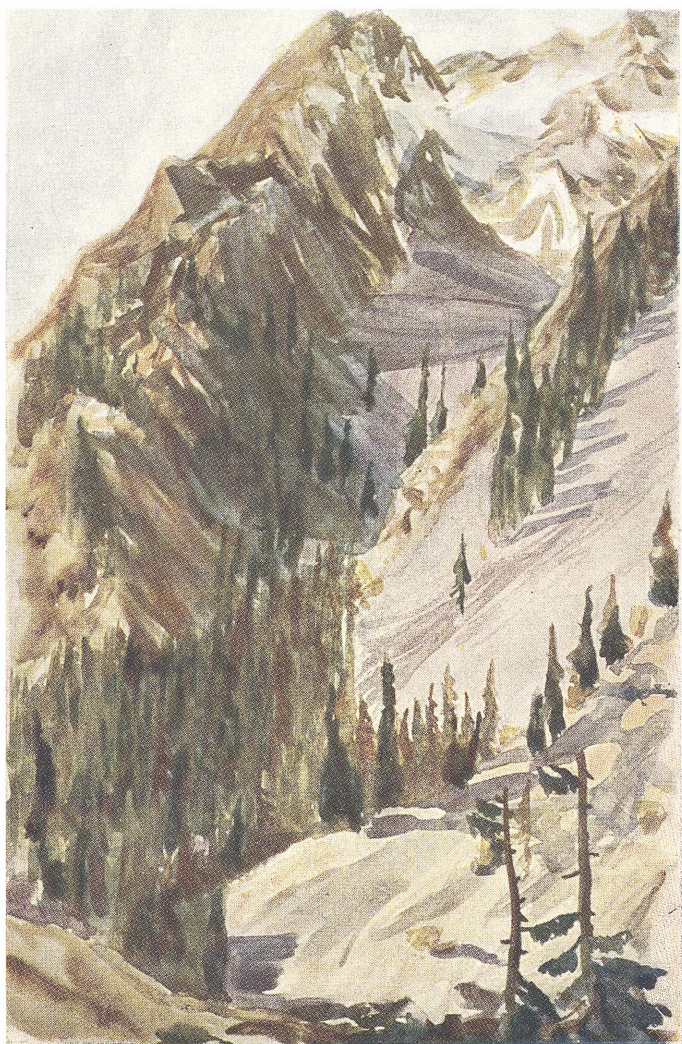
91(с)к

В-541

В. Виткович

КИРГИЗИЯ

Издательство ЦК ВЛКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

9(57)
8-54

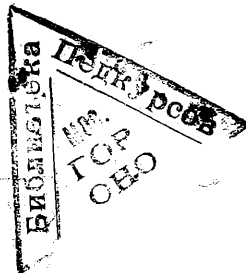
В. Виткович

К $\frac{91}{B}$

КИРГИЗИЯ

10000

Издательство ЦК ВАСМ

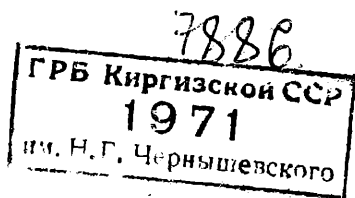
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1938

БЫТИНКОЛА КРО
МОСКВА

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Стр.</i>
Предисловие.....	3
Наступление на пустыню.....	9
Сахарная долина.....	13
Университет народа.....	19
Киргизские субтропики.....	25
Линия исторического фронта.....	31
Тысяча девятьсот шестнадцатый год.....	37
«Среднеазиатская Астурия».....	41
Серебряные леса.....	48
Озеро отдыха.....	52
Дороги.....	58
Новоселье.....	67
Золотое руно.....	76
Кони.....	82
Горные богатства.....	88
Заоблачная граница.....	92
Арктика на юге.....	97

Оформление худ. *Ю. Игнатъева*, фронтиспис работы худ. *Л. Кантаровича*.
Художественная редакция *А. Андреас*.

Редактор *К. Воронков*. Технический редактор *О. Подобедова*. Корректор *В. Шагалова*. Сдано в производство 1.VI 1938 г. Подписано к печати 11.XI 1938 г. 1. 94.
Индекс Ю-6. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. 6¹/₂ п. л. 5,83 уч.-авт. л. Уполномоченный
Главлита Б-42735 Наряд № 458. Тираж 25 000.

Фабрика юношеской книги изд-ва ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“, ул. Фр. Энгельса,
дом 46.

ПРЕДИСЛОВИЕ

На юго-востоке великого Советского Союза расположена Киргизская советская социалистическая республика, одна из одиннадцати братских союзных республик.

На протяжении свыше 800 километров Киргизия граничит с Синьдзянской провинцией Китая.

Киргизия — страна гор. На ее территории расположены колоссальные массивы Тянь-Шаньской и Памиро-Алайской горных систем. Отдельные вершины хребтов достигают высоты свыше 7 000 метров (пик Ленина, пик Хан-Тенгри); ледники до 80 километров в длину образуют мощные водные магистрали Средней Азии — реки Сыр-Дарью, Аму-Дарью, Чу, Талас.

Сказочно красивы и живописны горы Киргизии; обширные пастбища богатейшей альпийской флоры чередуются с высокогорными озерами, берега которых поросли стройными тяньшаньскими елями.

Горы Киргизии таят в своих недрах неисчислимы богатства — каменный уголь, нефть, свинец, радий, ртуть, сурьму, вольфрам, индий, золото, серебро, олово и др.

Меж горных хребтов раскинулись обширные долины (Чуйская, Ферганская, Таласская, Иссыккульская), на плодородных землях которых культивируются хлопок, сахарная свекла, пшеница, новолубяные культуры, табак, люцерна, эфирносы.

И эта прекрасная страна до Октябрьской социалистической революции была ареной жестокого угнетения и эксплуатации киргизского народа царскими колонизаторами и местной знатью — манапами и баями. Бай владели двумя третями всего поголовья скота; лучшие земли царское самодержавие отнимало у коренного населения.

Промышленности в Киргизии почти не было. Те небольшие угольные копи и кустарные предприятия, что существовали в Киргизии, вряд ли могут быть названы промышленностью.

Теснимый с плодородных долин в горные ущелья, к снеговым вершинам, где заниматься земледелием было невозможно, испытывая невыносимые страдания, голод, нищету, поваральные болезни, киргизский народ вымирал.

Доведенный до отчаяния, он в 1916 году поднял знамя восстания. Героические эпизоды борьбы киргизского народа за свободную жизнь еще до сих пор свежи в памяти трудящихся масс Киргизии.

Восстание было зверски подавлено царскими войсками. Киргизский народ был вынужден массами бежать в Китай, устлая свой путь трупами.

Октябрьская социалистическая революция освободила Киргизию от царских колонизаторов, манапов и баев. Никогда не вернется проклятое прошлое к трудящимся Киргизии.

Свободный киргизский народ наравне со всеми народами великого Советского Союза под руководством большевистской партии и любимого вождя и учителя товарища Сталина строит свою счастливую, радостную жизнь, создает свою культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию.

За годы советской власти и особенно за годы двух сталинских пятилеток хозяйство Киргизии преобразилось. Создана крупная промышленность, построены электростанции, развилась угольная промышленность (копи Кызыл-Кия, Сулюкта, Кок-Янбак, Таш-Кумыр). Теперь Киргизия добывает угля в 11 раз больше, чем в 1913 году.

В столице Киргизии — Фрунзе — построены предприятия обувной и кожевенной промышленности и крупный мясокомбинат, в Чуйской долине — 2 сахарных завода. В хлопковых районах работают хлопкоочистительные заводы. Открытый недавно новый нефтяной промысел в Чангырташе дает горючее для тракторов, комбайнов и автомобилей.

Велики успехи социалистического животноводства: грубошерстная овца вытесняется тонкорунными породами; киргизская выносливая лошадь, улучшенная англо-донскими породами, дает нашей доблестной Красной армии великолепных коней. Крупный рогатый скот улучшается высокоценными породами.

Около 92% крестьянских хозяйств объединены в колхозы. Посевная площадь за последние 10 лет возросла с 454 тысяч гектаров до 1 миллиона гектаров.

В республике имеется 55 МТС, в которых работают 3 964 трактора, 484 комбайна, сотни автомашин.

Строится 17 гидроэлектростанций. Организовано 47 совхозов.

Урожайность хлопка увеличилась с 6,7 центнера с гектара в 1932 году до 14,6 центнера в 1937 году.

Урожайность сахарной свеклы с 70,9 центнера с гектара в 1932 году увеличилась в 1937 году до 337 центнеров с гектара.

Огромны успехи киргизского народа и в области культуры. Кочевой народ до революции не имел даже грамоты; среди киргиз было всего полпроцента грамотных. В Киргизии была всего сотня школ, где учились дети царских чиновников и баев. Теперь, когда оседание киргизского народа в основном закончено, оседлая жизнь способствует проникновению культуры в труд и быт трудящихся Киргизии. Сейчас в республике имеется 1 786 начальных и средних школ, в которых обучаются 257 тысяч детей, почти в 37 раз больше, чем до революции, 12 техникумов, 3 вуза, научно-исследовательские учреждения. В республике издаются на родном языке 48 газет и журналов. С ростом культуры растут из года в год тиражи газет.

Все разнообразие профессий открылось перед киргизским народом.

Замечательные стахановцы заводов и полей, ударники животноводства, молодая киргизская интеллигенция—вот новая поросль, которая двигает вперед труд и науку.

Враги народа, пробравшиеся к руководящим постам, пытались остановить победоносное строительство социализма в нашей стране. Подлые агенты фашизма, буржуазные националисты пускали в ход все средства — шпионаж, диверсию, вредительство — для достижения своих гнусных целей; они срывали развитие промышленности Киргизии, вредили и в области животноводства, пытаясь оста-

новить улучшение пород скота. Они старались изолировать народ Киргизии от народов братских советских республик и затормозить развитие культуры киргизского народа. Чтобы задержать экономическое и культурное развитие киргизского народа, они пытались доказать, что киргизы не могут быть оседлыми.

Под руководством партии Ленина—Сталина советский народ разгромил троцкистско-бухаринскую банду убийц, шпионов, вредителей, диверсантов.

Враги понесли заслуженную кару.

Никому не удастся остановить победного шествия социализма в нашей стране!

*

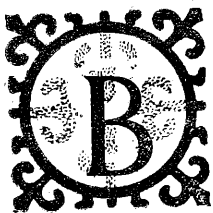
С принятием Сталинской Конституции Киргизия из автономной республики преобразована в союзную. Огромный путь государственного развития пройден ею от автономной области к союзной республике.

Огромный путь хозяйственного и культурного развития пройден киргизским народом.

Необходимость в литературе, знакомящей советского читателя с Киргизской союзной республикой, давно назрела.

Вот почему книга В. Витковича представляет большой интерес. В живой, увлекательной форме автор знакомит читателя с самой молодой республикой великого Советского Союза.

Секретарь ЦК КП(б) Киргизии А. ВАГОВ.

дни всенародного обсуждения Сталинской Конституции в той точке земли, где сходятся границы трех союзных республик — Узбекской, Казахской и Киргизской, — на склоне хребта, заросшего травой и горными тюльпанами, сошлись представители трех народов, заключили меж собой договор социалистического соревнования и в честь новой Конституции на стыке трех республик торжественно разостлали дастархан — скатерть с угощениями.

Расположившись вокруг, они потчевали друг друга национальными блюдами, провозглашали заздравные тосты, и, как бы оттеняя всю эпическую простоту и величавость этого события, от дастархана на три стороны открывались пейзажи трех разных республик.

К северо-западу за глубокой долиной толпились невысокие горы. Их сплюснутые, рыжие от солнечного света, похожие на песчаные барханы вершины были гораздо ниже склона, где белела скатерть. Чем дальше, тем они сдвигались плотнее, как бы разглаживались — исчезали синеватые тени в ложбинах, стирались острые линии скал. И казалось, что желтая полоска на горизонте — это уже и не горы, а раскинувшаяся за ними пустынная казахская степь.

К югу, среди изрезавших небо травянистых холмов, стояли, словно рощи, два селения, осененные тополями. Сквозь листву проглядывали очертания плоских мазанок и вспы-

хивало солнце на медленно вращающихся мокрых лопастях азиатской водяной мельницы. Песня невидимого жаворонка, звучавшая высоко в небе, казалось, принадлежала именно этим селениям, этим аванпостам земледельческих оазисов Узбекистана.

А к востоку от дастархана высился покрытый вечными снегами, изборожденный гигантскими складками хребет. Поперек него, отделяя ледяные вершины от лесистых склонов, висела дымная лента недвижных облаков. И это была Киргизия, страна торопливых рек и скал, рассеченных горными ветрами, страна дымящихся юрт и огромных овечьих отар.

Если на физическую карту Средней Азии нанести границы Киргизской республики, они почти полностью совпадут с контурами горного массива. Лишь два больших зеленых клина — Чуйская долина с севера и часть Ферганской долины с юга — окажутся внутри красной пограничной черты.

Эти два зеленых клина и являются воротами в республику, всю изрезанную снежными хребтами Тянь-Шаня и Памиро-Алая, республику, равную по территории Венгрии, Бельгии, Голландии и Швейцарии, вместе взятым. Сюда ведут две железнодорожные ветки: одна от Турксиба в Чуйскую долину к столице Киргизии — Фрунзе, другая от Среднеазиатской железной дороги к городам Ошу и Джалал-Абаду в Ферганской долине. А от этих крупнейших в республике центров по всем хребтам расходится густая сеть вьючных тропок и расползаются магистрали новых, пока еще немногочисленных автомобильных дорог.

Двести тысяч квадратных километров — такова территория Киргизской республики. Однако, если сосчитать площадь всей земли, где ступает нога человека, где растут цветы и лежат снега, если вычислить поверхность всех горных склонов, действительная территория Киргизии окажется гораздо больше этой плоскостной географической цифры. Чтобы одним взглядом охватить всю республику, необходима рельефная, а не плоскостная карта.

Рельефная карта необходима еще и потому, что только с ее помощью можно полностью раскрыть особенности исторической и хозяйственной жизни Киргизии. Здесь есть и пустыня, и субтропики, и степи, и зоны лиственных и хвойных лесов, и тундра, и арктика — все многообразие климатических поясов Советского Союза, все многообразие фло-

ры — от египетского хлопчатника до тундровых мхов и лишайников, все многообразие животного мира — от верблюда до полярного песка, обнаруженного недавно среди ледников, наконец, все богатство людских профессий — от работников пустынь до зимовщиков высокогорной геофизической обсерватории на Тянь-Шане.

И, как бы подчеркивая смысл применения слов «север» и «юг» к вершинам и подножьям хребтов, по их склонам, напоминая регулярностью сезонные перелеты птиц, издавна двигались вслед за своими стадами кочевники, весной все выше в горы — «на север», осенью обратно в долины — «на юг».

Чтобы показать Киргизию такой, какая она есть, мы решили описать ее с «юга на север» именно в этом особом, отнюдь не географическом значении слов, решили дать ряд горизонтальных срезов массива киргизских хребтов. Конечно, каждый такой горизонтальный срез неразрывно связан с остальными, неотделим от единой хозяйственной, политической и культурной жизни страны. Но в то же время каждый из них имеет и свои особые, неповторимые черты.

719 метров и 7 127 метров над уровнем моря — таковы самая низкая и самая высокая точки Киргизской республики. Путь от первой ко второй, медленный подъем в гору — вот план книги.

НАСТУПЛЕНИЕ НА ПУСТЫНЮ

Через все границы Киргизской республики: к хлопковым полям и виноградникам Узбекистана, к рисовым плантациям Западного Китая, к казахским степям и пустыням — во все стороны бегут стремительные речонки и реки. Киргизия поит водой всех соседей, дает жизнь всей среднеазиатской равнине. Крупнейшие реки Сыр-Дарья, Чу, Талас и частично Аму-Дарья зарождаются в ее ледниках.

Исстари так повелось, что едва потоки вырывались из пояса тяньшаньских гор, как в долинах ими овладевали мирабы. Бай — киплячный кулак, бий — глава судебной администрации и мираб — князь воды, — вот три классические фигуры сельских эксплуататоров в Средней Азии, и среди них самой жгучей ненавистью трудового народа был окружен мираб. От бая можно было иногда отку-

питься, от бия скрыться в горах, но мирабу, бывало, за ведро воды приходилось отдавать в жены и родных дочерей. «Хозяин воды — хозяин жизни», гласит старинная народная поговорка.

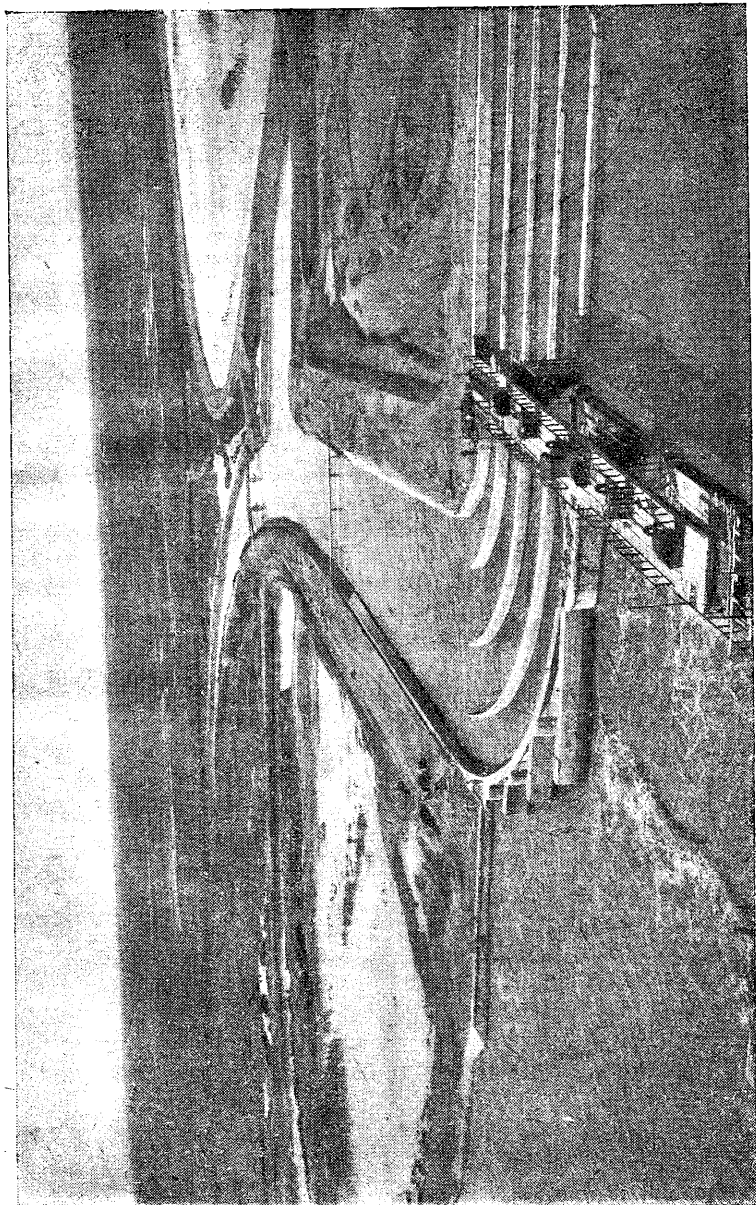
Века хищнического пользования водой не прошли даром для Средней Азии. Поколения мирабов превратили в пустыню некогда цветущие, заросшие от края до края пышной растительностью, плодородные земли.

Чингис-хан, Тамерлан и другие властелины Средней Азии время от времени пытались обороняться от пустыни. Они строили гигантские оросительные каналы, устанавливали рациональные правила полива. Но каналы эти были слишком велики, чтобы после смерти их творцов десятки враждовавших между собой феодалов могли сговориться об уходе за ними, ибо, как сказано в киргизской пословице: «Две бараньи головы не поместятся в одном котле». А насчет рационального полива и думать было нечего; вероятно именно о мирабах сложена другая киргизская пословица: «Хотя бы ты положил собаку на золотое блюдо, она соскочит с него, едва увидит кусок мяса».

Социалистическая революция отобрала киргизские реки у мирабов и передала их трудящимся. Война с пустыней впервые за тысячелетия стала государственным, общенародным делом. Советские ирригаторы и гидротехники повели на нее организованное наступление. И первым шагом этого наступления в Киргизской республике явилась реконструкция реки Чу.

Чу река необычная: у нее нет устья. Она берет начало в горах Тянь-Шаня и, прыгая с каменного уступа на уступ, пробирается в долину озера Иссык-куль. Попав в эту долину, Чу стремительным потоком спускается к озеру. Но вместо того чтобы влиться в него, она пробегает мимо самого Иссык-куля, неожиданно бросается в сторону и Буамским ущельем прорывается сквозь гигантские хребты на степной простор. Здесь, многоводная и быстрая, она орошает огромную Чуйскую долину, расплзается на ручейки, а основное ее русло исчезает в песках казахской пустыни Бет-пак-дала.

Лилватая степь была вся покрыта бурыми пятнами выгоревшей травы и облепихи. На бугорках равнодушно сидели орлы. Когда налетал ветер, солнце здесь становилось серым. Развесив длинные губы, глядя немигающими глазами, широко расставляя костлявые ноги, изредка

Чумышская плотина.

степью проходил верблюд, подчеркивая еще больше пустынную ландшафта. Так несколько лет назад начиналась Киргизия, таков был пейзаж Чуйской долины на границе с Казахской республикой.

В 1930 году, по постановлению Союзного правительства, началось строительство Чумышской плотины. Около ноздреватых и голых чумышских скал река Чу была перехвачена бетонной перемычкой. Два огромных магистральных канала от нее — Атбашинский и Георгиевский — прорезали Чуйскую долину. И в 1934 году по Атбашинскому каналу к желтеющей на горизонте пустыне хлынула вода.

Теперь Киргизия начинается иначе. Вдоль казахской границы на двенадцати тысячах гектаров раскинулись земли совхозов новолубяных культур. Среди зеленых посевов итальянской и японской конопли розовеют прямоугольники расцветших полей кендыря. Всадник с лошастью может укрыться в высоких зарослях кенафа, желтые цветы которого блестят меж стеблей. Миллионы деревьев-саженцев выстроились вдоль дорог и трепещущей листвой своей осенили коттеджи совхозных поселков — этих возникших в пустыне агроиндустриальных центров.

Посевы чуйских совхозов — основная, самая крупная сырьевая база новолубяных культур для пенько-джутовой промышленности всего Советского Союза. Из итальянской конопли выделяются сети, корабельные канаты, крепкий брезент и тончайшие ткани вплоть до батиста. Кенаф особенно славится на сахарных заводах благодаря ценному свойству, доставшемуся в наследство от пустыни: волокно его не впитывает в себя ни капли влаги; мешки для сахара из кенафа незаменимы. Из кендыря, замечательного местного растения, можно производить самые разные, неожиданные по сочетанию вещи: искусственный шелк, приводные ремни, пергамент, каучук, порох, широксиллин, кислоты (щавелевую, уксусную и муравьиную), метиловый спирт, деготь, смолу, а из отработанных стеблей — прекрасные термоизоляционные строительные материалы и брикеты топлива.

Строительство Чумышской плотины и изгнание пустыни из границ Киргизской республики — лишь первый шаг наступления социализма на пустыню. И размах, с каким началось это наступление, ярко свидетельствует о том, что недалеко время, когда социалистическим государством будет реализован в гигантском масштабе конец сказки «о живой

и мертвой воде» — известной народной сказки, в которой роль изрубленного на куски великана будет принадлежать земле, а роль волшебника, исцелившего его тело живой водой, сыграют ирригаторы и гидротехники.

Смысл этого сравнения станет еще ярче, если вспомнить, что сами эти «волшебники» — гидротехники, вышедшие из киргизского народа, — были десяток лет назад сплошь неграмотными и суеверными. Теперь они перестали верить в чудеса и сами сделались их творцами.

САХАРНАЯ ДОЛИНА

Острые и гладкие, круглые и продолговатые камни разбросаны по всей Чуйской долине. Их убирают с дорог рабочие, их выворачивают из пашен лемеха тракторов, и колхозники складывают их в кучи на краю полей. И работы этой хватит им еще надолго, ибо на протяжении сотен тысяч лет горные потоки стаскивали вниз осколки скал с хребта, вытянувшегося вдоль Чуйской долины, ибо в течение тысячелетий их заносила сюда и случайная рука человека: первобытный ли жернов нужен был ему, наконечник ли для булавы или просто широкий камень, на котором удобно сидеть вечерами в кругу друзей.

Эта масса камней видна, однако, лишь ранней весной, едва с пашен и лугов сойдет снег. К концу марта камни начинают редеть и исчезать меж зеленых всходов, и в апреле вся Чуйская долина превращается в гигантский цветущий ковер.

На двести километров в длину протянулась она, богатейшая из долин республики, между казахскими пограничными степями и снежной грядой Киргизского хребта. От массива посевов новолубячьих культур долина медленно поднимается, постепенно переходя в предгорья, и на всем ее огромном протяжении, насколько хватает глаз, видны селения, окруженные пирамидальными тополями.

Если пересечь Чуйскую долину на автомобиле, удивительное разнообразие пейзажей, национальных одежд, бытовых особенностей пройдет за один день перед глазами.

Здесь есть и украинские села. Вишневые садики, обнесенные белыми плетнями. Журавли над колодцами. Хаты с широкими завалинками. И по дорогам, извивающимся среди свежловичных полей, круторогие бьки лениво влекут за собою длинные, обтянутые брезентом мажары. И

над ними, в напоенном зноем воздухе, слышатся протяжные «цоб! цобе!».

Здесь есть и селения дунган — народа, пришедшего из Китая. На плоских кровлях их мазанок растет ячмень и цветут яркие маки. Вдоль узких улочек тянутся глинобитные заборы. Во двориках стоят персиковые и абрикосовые деревья. Маленькие оконца за последние годы остеклены, но изредка увидишь вместо стекла и промасленную бумагу. А вокруг селения террасами спускаются рисовые поля, синеватые от воды и отраженного в ней неба.

Здесь и уральские казачьи станицы, привольно раскинувшиеся среди пшеничных и кукурузных полей. Просторные мазанки их выкрашены голубой и белой краской. Вдоль камышовых двускатных крыш стремительно летают ласточки. Посреди бахчей над арбузами и дынями качаются чучела. И по вечерам на широких улицах возникает казачья песня — тонкая и высокая, сопровождаемая свистом.

Здесь есть и деревни немцев-колонистов, вокруг которых разносится вширь пьянящий запах табачных плантаций. Есть и смешанные многонациональные колхозы, где рядом с киргизами и русскими живут узбеки, и татары, и казахи, и уйгуры.

Ярче всего смысл совершающихся в долине изменений виден на облике киргизского кштоу — селения коренных жителей Чуйской долины. Две-три мазанки с тусклыми окошечками и разрушенными вокруг них земляными заборами свидетельствуют о прошлом, когда кштоу служило зимовкой для киргизского рода. В каждой такой мазанке пять-шесть семей с нетерпением раньше дожидались весны. И едва предгорья очищались от снега, киргизы оживленными толпами вместе со стадами, вместе с юртами откочевывали отсюда к хребту.

В кштоу же на лето оставалось всего несколько батраков. Они разрыхляли буурсунами — деревянными колами — полоски плодородной земли, сеяли ячмень. А когда колосья наливались, батраки от зари до захода солнца бродили по полям, протяжно кричали, оберегая посевы от птиц, и глядели с завистью на хребет, где по пастбищам, по прекрасным горным лугам кочевали их хозяева и соседи.

На рубеже двадцатого века русские переселенцы с помощью царских чиновников отобрали у киргиз все пашни в Чуйской долине. Кштоу перестали быть земледельческими центрами и сделались лишь местами зимних стоянок

кочевого народа. Памятниками этого времени и являются приземистые мазанки, в которых нет печей, и полы земляные, и в потолках прорублены отверстия для дыма.

Вокруг этих одиноких, уже редких мазанок стоят теперь на каменных фундаментах новые дома с широкими окнами. Подле них видны очертания заплатаанных юрт, ставших ненужными, но еще милых сердцу вчерашних кочевников: многие колхозники на лето переселяются пока из домов в юрты.

Отпечаток юрты чувствуется до сих пор и внутри новых жилищ: сундук ли красуется на самом видном месте, разрисованные ли узорами войлочные кошмы лежат на полу вместо дивана, или стол стоит так, словно его готовятся вынести. Далеко не все предметы бытового обихода нашли еще здесь свое целесообразное, удобное место, и это придает комнатам немного неуютный вид.

Однако на массе мелочей видно, что дома уже начинают вырабатывать в своих жильцах новые эстетические вкусы и навыки. Оседлый быт постепенно оформляется. И о прочности его свидетельствует не только зелень тополей, еще молодых, еле-еле поднявшихся над крышами,— об этом говорят и культурные конюшни и овцефермы, выросшие около всех кштоу, говорят и уходящие к горизонту изумрудные поля люцерны, красноватые — персидского клевера, темнозеленые — свеклы, желтоватые поля пшеницы, ячменя и проса.

Чуйская долина до революции была ареной ожесточенной межнациональной борьбы. Казаки-семиреки травили скотиной поля украинских переселенцев. И те и другие угоняли лошадей у киргиз и дунган. Переселенцы захватывали киргизские земли: «Киргиз-де отроду лентяй,— говорили они,— какой из него хлебобор!» И царские чиновники, стремясь затуманить классовые противоречия, всячески разжигали национальную рознь.

«Бывало подадут казаки в волостной суд,— рассказывает старик-колхозник Чумаков,— мол, киргизы у нас табун лошадей угнали! А лошадей никто у них не крал. Из озорства подадут. А судья и рад— вызывает свидетелей, повернет так, повернет этак. Решение же, оно заранее известно: отдавай, киргизы, «награбленных» лошадей. Поплачут у себя в юртах киргизы, однако лошадей представят. Поди, не представь! Киргизы-то были подневольными».

Недавно один молодой поэт переводил на русский язык

песню киргизского акына Алымкула Усенбаева. В этой песне, повествующей о дружбе народов, проходит припевом строка, будто бы не имеющая никакого отношения к тексту, строка, доставившая поэту немало огорчений, казавшаяся ему нехудожественной, случайно привязанной, и он в конце концов вычеркнул ее из своего перевода: «Трактор, я славлю тебя!» Больше нигде в песне не упоминалось ни о тракторах, ни о сельском хозяйстве. Строка эта неожиданно врывается в лирические описания того, как за одним столом дружно пируют «в синих куртках дунгане, опоясанные ремнями русские и киргизы, у которых лица словно высечены из скал».

Для любого колхозника Чуйской долины припев этот, однако, полон ясного смысла. Каждое селение здесь раньше представляло обособленное маленькое государство со своим языком, своими обычаями и своей системой ведения сельского хозяйства.

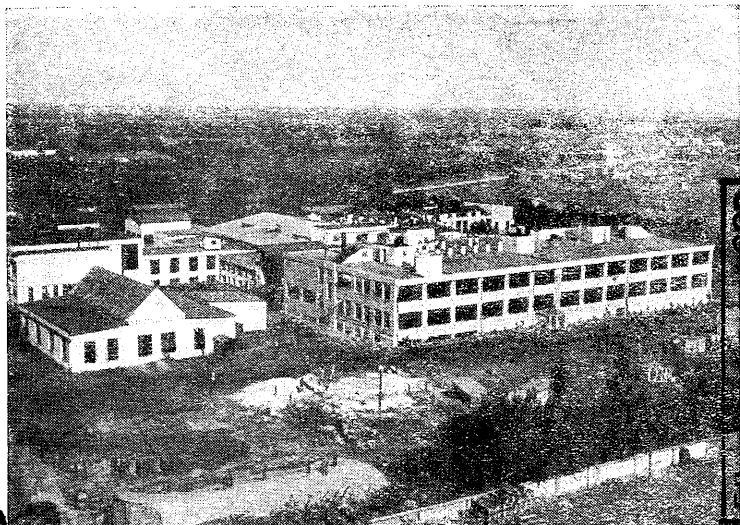
Народы жили рядом, а землю обрабатывали так, словно их разделяли океаны и материки.

Дунгане — народ с китайской, очень древней культурой земледелия. Они тщательно возделывали каждый клочок земли, разрыхляли ее мотыгами, непрерывно меняли русла оросительных канав, чтобы вода несла с собой на поля органические вещества с целинных неистощенных земель, удобряли поля навозом и уличной пылью, словом, это была интенсивнейшая система хозяйства при однополюи и первобытных орудиях труда.

По соседству с ними русские крестьяне, запрягши сивку или пару волов, вспахивали землю сохой или плугом, орошением пользовались мало и в дни засухи выходили на поля с иконами.

Стоило раньше бросить беглый взгляд на поле, чтобы сказать, какому народу оно принадлежит. Тот же акын Алымкул в другой песне сравнивает дореволюционную Чуйскую долину с «дырявой одеждой бедняка, на которой тысячи разноцветных заплат», а нынешнюю — с «богатым нарядом невесты, прошитым синими нитками арыков, покрытым узорами садов и виноградников». И дальше, в песне поется, что наряд этот «лучшие портные шили иглами, волшебными, сделанными из металла иглами — тракторами».

Коллективизация сельского хозяйства и дружба народов — понятия эти стали в Чуйской долине неотделимыми

ГР. КИРГИЗСКОЙ ССР
1971
им. Н. Г. Чернышевского

Мясокомбинат в городе Фрунзе.

друг от друга. Дунганская мотыга, киргизский буурсун и российская соха лежат теперь рядом во фрунзенском музее, как равные свидетельства о временах, канувших в вечность. Десятки машинно-тракторных станций связали некогда враждовавшие между собой селения прочными общими интересами. Основная сельскохозяйственная долина Киргизии сделалась долиной социалистического земледелия. Новые полевые культуры заполнили от края до края пашни чуйских колхозников.

Совсем недавно стали тут культивировать сахарную свеклу, и она сразу дала невиданно высокие урожаи при сахаристости вдвое больше обычной. Природа словно специально предназначила Чуйскую долину для посевов сахарной свеклы — нигде в мире нет таких благоприятных условий для ее выращивания, как здесь.

Это «предначертание» природы могло быть разгадано и практически осуществлено лишь при социалистической системе хозяйства, когда агрономы сделали законодателями полей, и чуйским колхозникам незачем стало раздумывать, куда они денут свою продукцию, — весь советский народ является их покупателем, вся страна заинтере-

1971

ресована, чтобы они сеяли именно свеклу. Так свекла сделалась здесь ведущей сельскохозяйственной культурой.

Сахарная свекла начинает определять и промышленный облик Чуйской долины.

Два свеклосахарных завода здесь уже работают, ряд новых заводов строится и запланирован. И центр республиканской сахарной промышленности, выросший в степи городок, именуется Кант, в переводе с киргизского — сахар.

Жизненный путь самого популярного в этой «сахарной долине» человека, жизнь свекловичницы Шаирбюбю Тезикбаевой, стахановки колхоза «III Интернационал», раскрывает во всей глубине судьбы чуйских крестьян при социализме.

Несколько лет назад Тезикбаева кочевала со своей юртой по пастбищам и о земледелии не имела почти никакого представления. Вместе с колхозом она перешла на оседлый образ жизни и постепенно освоила сельское хозяйство. В январе 1936 года ее голос впервые прозвучал на республиканском слете свеклоробов: она брала на себя социалистическое обязательство собрать не меньше 800 центнеров свеклы с гектара!

Нужно было видеть, с какой страстью взялась она весной за свое поле, сколько хлопотливой энергии она вложила в такие прозаичные вещи, как сбор удобрений, поливка, шаровка, подкормка и рыхление свеклы. Тою же весной она овладела киргизской грамотой и сразу же принялась за русскую. На ее столе появились газеты, книги. С жадностью наверстывала она годы, бесплодно пролетевшие у кочевого очага.

Как-то незаметно вышло, что к ней стали обращаться со всеми колхозными нуждами, стали заходить посоветоваться председатели соседних колхозов. Свекловичницам всех многонациональных окрестных селений сделалось знакомым и близким ее лицо, покрытое мелкой сетью смешливых морщинок, внезапно исчезающих, разглаживающихся, едва она перестает улыбаться.

В 1936 году она собрала на своем участке 1 196 центнеров свеклы с гектара, в 1937 году — 1 300, а некоторые воспитанные ею стахановки (например звено Оторбаевой) добились неслыханного урожая — 1 800 центнеров с гектара.

С каждым днем ширилась слава Тезикбаевой — темпераментного организатора, знатока сельского хозяйства, сердечного человека. И, когда наступили дни выборов в Верховный Совет СССР, на предвыборном собрании колхозники назвали ее фамилию. Ее подхватил весь Калининский избирательный округ. Киргизы и русские, украинцы и дунгане с единодушием голосовали за знатную свою свекловичницу. Так Шаирбюю Тезикбаева сделалась депутатом Совета Национальностей СССР, человеком, в образе которого воплотилась нерушимая дружба населяющих Чуйскую долину народов.

УНИВЕРСИТЕТ НАРОДА

Посреди Чуйской долины, в кольце садов и огородов, раскинулась столица Киргизской республики. Отроду ей всего шестьдесят пять лет — возраст для города юношеский. В роли столичного центра город и того меньше — каких-нибудь пятнадцать лет.

Здесь, на одной из улиц заштатного семиреченского городишки Пишпека, родился в 1885 году и провел свое детство замечательный пролетарский полководец Михаил Васильевич Фрунзе. Маленький домик, в котором он жил, превращен теперь в музей. И город назван его именем.

Пишпек принадлежал к тем окраинным городам Российской империи, говоря о которых употребляли слова «захолустье», «дыра», «у чорта на рогах» и другие столь же нелестные выражения. А если кому-нибудь случалось описывать Пишпек, легче всего было определять его не тем, что в нем есть, а тем, чего здесь не было. Заводов не было, ни одной средней школы не было, ни водопровода, ни электричества, ни библиотеки, ни театра, — ничего такого не водилось и в помине. И до ближайшей железнодорожной станции нужно было трястись на перекладных пять-сот километров.

В сущности, это был и не город, а большой базар, обросший со всех сторон белыми, серыми и голубыми мазанками, из окон которых все двадцать тысяч жителей выплескивали помои прямо на улицы. Сидел посреди базарной грязи на скамейке человек, и над ним суетился брадобрей. Протяжно стонали верблюды, блеяли связанные попарно за головы овцы, кричали на разноплеменных языках торгаши, тол-

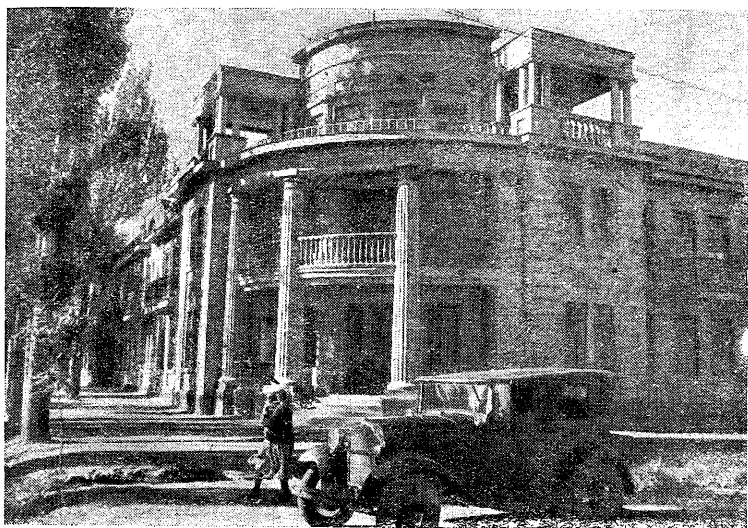
Дом-музей М. В. Фрунзе.

пилаась у крыльца уездного правления длинная очередь просителей — многонациональные одежды их уравнила бедность, наделив одинаковыми дырами и заплатами,— и над мазанками, над дунганскими чайханами, над постоянными дворами шумела пыльная зелень пирамидальных тополей. Так выглядел старый Пишпек.

В 1920 году здесь был проездом Дм. Фурманов. Он провел многолюдное собрание пишпекских горожан и красноармейцев и потом писал об этом: «...можно было заметить, что факты, о которых рабочие где-нибудь в Самаре, Уфе и думать забыли давно, эти факты являются здесь новинкой, ими интересуются, как свежими новостями. Далеко-далеко позади живут люди в этих городах, селах, кишлаках, вогнанных под самые Тяньшаньские горы».

Горы, как и встарь, близкие, а на самом деле далекие, высятся над киргизской столицей. Попрежнему они дыханием ледяных вершин освежают воздух на улицах. Но внешность города за последние годы резко изменилась.

Базар постепенно съеживался, сворачивался и превратился в обычный большой городской рынок. Рядом с азиатскими чайханами засияли витрины магазинов. В аптеках загорелись разноцветные стеклянные шары. Над пестрым

На улице столицы.

морем домишек поднялись крыши новых зданий. Тротуары оделись асфальтом, и на углах появились первые чистильщики сапог: Рожки стрелочников и гудки маневровых паровозов сделались привычными ночными звуками. В листве тополей и дубов заблестели электрические провода, и местные воробьи, как и их европейские собратья, сразу оценили все их удобство для устройства летучих совещаний. Словом, фрунзенский пейзаж стал городским в полном смысле слова, со всеми его характерными чертами — с водопроводом и больницами, со стадионами и автогаражами, с постовыми милиционерами и мороженщиками, толкающими перед собой тележки.

Два больших здания киргизского правительства, обращенные фасадами друг к другу и разделенные сквером, поросшим молодыми акациями, образовали новый городской центр. Вокруг них расположились культурные учреждения республиканского значения: национальная картинная галерея, краеведческий музей, театр, в котором работают киргизский и русский коллективы, государственная филармония народных инструментов, редакции русской и киргизской газет, государственное издательство, издающее журналы и книги на киргизском, русском и дунганском

языках, фрунзенская широкоэвещательная радиостанция, новые жилые дома.

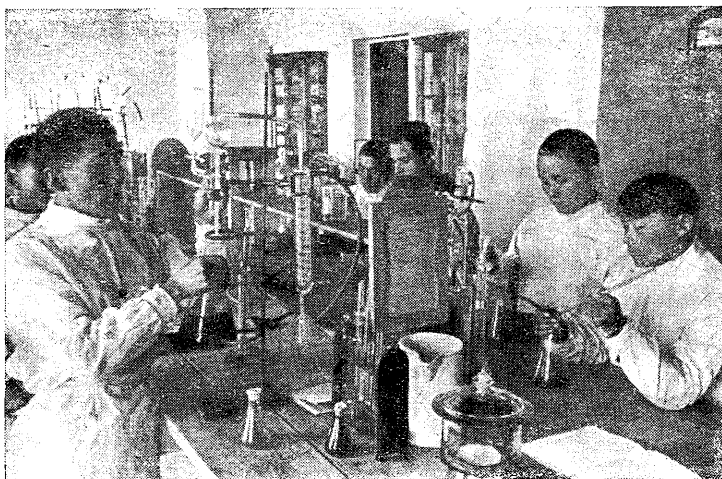
Гордость киргизской столицы — гигантский мясокомбинат, построенный по последнему слову техники. На этом комбинате используется, по американскому выражению, все, кроме последнего вздоха: от мяса, крови, жил и костей до желез внутренней секреции. Кроме комбината, построены: трактороремонтный завод, швейная, табачная и мукомольная фабрики, кожзавод, предприятия по первичной обработке новолубяных культур, пивоваренный, рисоочистительный, маслодельные и брынзоваренные заводы.

Этот сухой перечень можно было бы продолжить, упомянув об общественных учреждениях, но они те же, что и во всяком крупном советском центре. И образ киргизской столицы — те черты, которые делают ее неповторимой, не похожей на другие города, — складывается не из учреждений, а из ста тридцати тысяч фрунзенских граждан, людей особенных и новых для Киргизии.

Среди них всего своеобразнее киргизские интеллигенты — врачи, инженеры, партийные работники, юристы, театральные режиссеры, писатели. Все они недавние кочевники, освоившие ныне культурные ценности, доставшиеся человечеству ценою многовековой борьбы, осознавшие себя прямыми наследниками Пушкина и Галилея, Дизеля и Паганини. Биография каждого из них полна такими удивительными событиями, такими необыкновенными изменениями судьбы, каких никогда раньше не знавала человеческая история.

Художник Гафар Айтиев, картины которого висят в киргизской национальной галлерее, еще тринадцатилетним мальчиком сделал глину из уличной пыли, смешал ее с цементом, чтобы была крепче, и вылепил сказку о семиголовой старухе. Мулла селения, в котором он жил, разбил это первое детское произведение и объявил мальчика богоотступником. Спустя несколько лет Айтиев работал в комсомольских организациях, был редактором республиканской пионерской газеты. Сейчас он учится в Московском институте.

Пилот Кавира Конурбаева приехала во Фрунзе из глухого селения, отрезанного от мира непроходимыми перевалами. Недавно еще, как она рассказывает, слово «письмо» представлялось ей таким же таинственным действием, как

В лаборатории зооветинститута.

вызывание духов знахарем. Теперь она летчик, мастер горных полетов, тонкий знаток нисходящих и восходящих воздушных течений и восторженная слушательница концертов классической музыки.

Геолог Абдулла Мынджылкиев, каких-нибудь двенадцать лет назад, как и все его сородичи, был уверен, что небесный свод держится на горах, что Москва расположена под землей и что выпавший молочный зуб нужно бросить собаке, чтобы на его месте вырос такой же острый, прямой и крепкий. Он распрощался с этими суевериями на рабфаке. Потом кончил Ленинградский горный институт и возвратился на работу в родную республику.

Мергени (киргизские охотники), плавившие в горах свинец для своих охотничьих нужд, заслышав, что приехал первый геолог-киргиз, начали съезжаться со всех хребтов, чтобы сообщить о свинцовых месторождениях. Так запасы известных в Киргизии свинцовых руд за два месяца удвоились.

Еще до революции мальчиком удалось быть Калыку на скачках наездником. Там он услышал впервые песни акынов — народных певцов — и стал мечтать о комусе — трехструнной киргизской балалайке. Зимой он пробатрачил у манапа — родового князька, на весь заработок купил ко-

мус, выучился слагать песни, и его стали приглашать на поминки старух и для развлечения манапских сыновей. Наконец, взял его к себе в качестве певца манап Караталу, у которого была распря с манапом Байгазы. По заказу своего хозяина сочинил акын Калык песню против Байгазы. Но в родовой борьбе победил Байгазы, он не простил Калыку его песни, столкнулся с царскими судьями, и Калыка приговорили к трем годам тюрьмы. Тогда Калык бежал из селения, в скитаниях встретил вернувшегося с сибирской каторги Токтогула, знаменитого киргизского революционного певца, и выучился у него мастерству импровизации.

Теперь Калык известный в Киргизии певец, артист государственной филармонии, поет свои песни и импровизирует в зале Киргизского национального театра, замечательного театра, где ставят пьесы киргизских драматургов на родные темы и пьесы классиков.

Биографии таких людей, как Конурбаева, как Калык, сделались столь типичными, что во Фрунзе им давно уже перестали удивляться. Перед ними — молодыми учеными, художниками, педагогами — распахнуты все двери. И их родной город превратился теперь в огромный университет кочевого народа — народа, до революции не имевшего даже своей письменности.

Именно печать учебы придает своеобразие столице Киргизской республики. Эта печать ощущается так же остро в любом заводском цехе и учреждении, как и в существующих здесь трех институтах, десятке техникумов и многочисленных школах.

Чем дольше живешь во Фрунзе, тем образ города, как университета кочевого народа, раскрывается все отчетливее, все полнее. Каждая встреча с киргизом — актером ли, хозяйственником или инженером — углубляет этот образ: все равно, случайная ли это встреча на стадионе, или в театральной ложе, или это беседа за бутылкой вина — тот переживаемый каждым человеком задушевный разговор на глубочайшие философские и личные темы, который незаметно затягивается далеко за полночь и после которого оставшиеся наедине с собой, долго не можешь уснуть, в радостном возбуждении ворочаешься в постели, вспоминаешь удачные шутки, острые мысли и продолжаешь, даже вслух иногда, спорить и шутить с разошедшимися по домам приятелями.

КИРГИЗСКИЕ СУБТРОПИКИ

Замечательная панорама открывается с вершины Тахт-и-Сулеймана, одинокой горы с седловиной, высящейся посреди центра киргизских субтропиков — города Оша. У ее подножья полукругом теснятся дома с плоскими кровлями. Между ними, словно пчелиные соты, темнеют квадратные дворики, осененные тузовыми деревьями. На кривых азиатских улочках видны мужчины в пиджаках и в расписных халатах, женщины в черных покрывалах и с открытыми лицами. Вдоль глинобитных заборов трусят ослики с поклажею, и их негодующие крики заглушаются доносящейся с базара звонкой переключкой кузниц и посудных мастерских. В стороне блестят крыши европейской части города, рассеченной на кварталы рядами пирамидальных тополей. И чуть отступя, словно последний мазок, понадобившийся художнику для завершения картины города, сияют на солнце белые корпуса шелкомотальной фабрики.

А за городом километров на тридцать распаивается долина, окаймленная на горизонте снежными горами. По дорогам меж селений скачут группы всадников в войлочных шапках и тюбетейках, движутся большеколесые арбы и караваны верблюдов, стелются снопы пыли над гуртами овец, бойко катятся похожие на жуков легковые машины и грузовики. Столько в этой картине движения, столько жизненного напряжения и силы, что кажется, будто и арыки, и селения, и поля тоже движутся, перемещаются, будто вся долина медленно вращается вокруг города, к которому со всех сторон сбегаются дороги, как спицы огромного колеса.

Ош — один из древнейших городов Средней Азии, и основание его местная легенда приписывает ни много ни мало, как самому Адаму. Якобы Адам, когда его выгоняли из рая, ухитрился захватить с собой десяток шелковичных червей и начал свое земное существование с того, что затеял у этой горы шелковое производство — надо же было ему прикрыть свою наготу! В этой легенде кое-какой смысл есть: вся история Оша связана с шелком. Недаром еще арабские географы девятого века писали об Оше, как о крупнейшем шелковом центре.

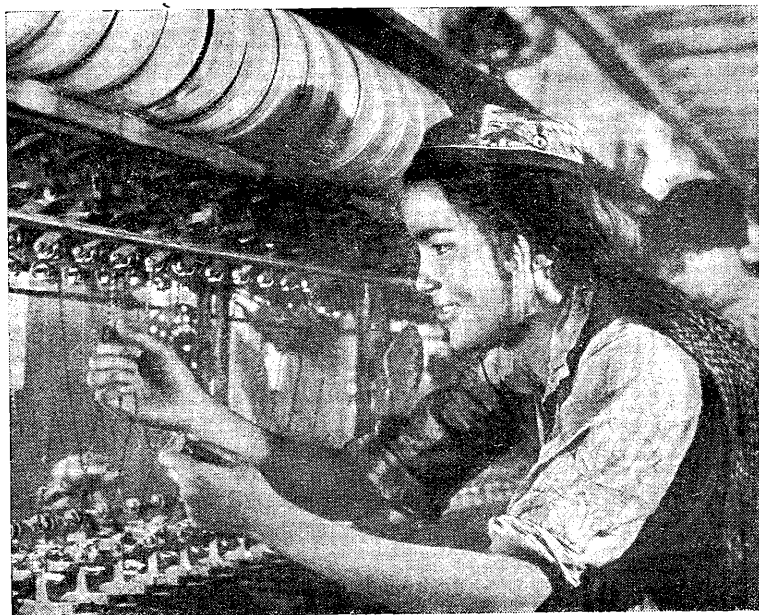
Но сердцем Оша была именно гора Тахт-и-Сулейман (Соломонов трон). Со всего мусульманского мира стекались сюда паломники. После Мекки это была едва ли не самая популярная святыня. Представьте себе на сходя-

щихся к Ошу дорогах тысячи богомольцев в выгоревших от солнца чалмах и халатах, представьте ходжей, отгоняющих длинными посохами собак, чтобы они не вцепились им в рыжие, крашенные хной бороды, вообразите на перекрестках юродивых, гнусавящих священные стихи, дорисуйте фигуры нищих и калек, ковыляющих сюда в жажде исцеления. Ведь конец этой картине пришел совсем недавно. Любой опский житель кое-что сможет рассказать о паломниках...

Вблизи от могильника «пророка» Сулеймана выдолблена в скале пещера, в ней множество занимательных «следов»: углубления, сделанные коленями Сулеймана в часы молитвы, следы его слез, застывшие при ближайшем рассмотрении в виде тонких прослоек кальцита, целебные ямки различной формы, куда можно засунуть больную руку, или ногу, или голову. Но святая-святых этой первобытной «лечебницы» — огромный камень с покатою поверхностью, блестящий словно зеркало. Отполировали его женщины, которые, в надежде зачать ребенка, тысячами съезжали по нему на животах.

Именно на судьбах женщин, шагнувших от этого священного камня к цехам Опской шелкомотальной фабрики, ярче всего видно, какой гигантский путь развития проделали народы Средней Азии при советской власти. Биографии работниц шелкомоталки — живая история шелковой промышленности от феодализма до социализма.

Большинство из них начинали выводить шелковичных червей с колыбели. Кто в Ферганской долине не помнит этой профессии среднеазиатских женщин? Грену насыпают в мешочки, мешочки засовывают за пазуху, и под влиянием человеческого тепла из грены выводятся черви. За пазухой выводятся, примерно, день на двенадцатый, а подмышками или в детской колыбели и на восьмой. Промышляли червями раньше с весны до глубокой осени, — можно представить, что за детство было у женщин: ни побегать, ни порезвиться с подругами, знай себе — высиживай червей. Почти всех их лет двенадцати-четырнадцати продавали замуж. И те, у кого в хозяйстве не оказывалось хоть плохонького, но своего мотального станка, нанимались за гроши мотать шелк к местному баю. Помногу лет от зари до зари стояли они над вонючим запарочным чаном для коконов, отыскивали палкой концы нитей и наматывали их на медленно вращающееся колесо.

Работница шелкомотальной фабрики в городе Оше.

В дни коллективизации, когда с особой силою развернулась борьба с косностью и первобытной дикостью нравов, когда для среднеазиатской женщины край своего селения перестал быть границей мира (ее вызывали на колхозный слет, и, если муж не давал лошадей, она, вопреки ему, шла туда пешком), — в эти дни над долиной вокруг Оша впервые прозвучал фабричный гудок. На этот призывный гудок только что отстроенной шелкомотальной фабрики в Ош пришли из селения десятки женщин.

Они стекались сюда поодиночке, порывая с семьями, тайно убегая от мужей, приходя иногда с грудными детьми на руках. И хотя фабричная жизнь страшила многих из них своей неизведанностью, она все же рисовалась им спасительным островом в том море бесправия и безысходного отчаяния, которые припелись на долю среднеазиатской женщины и были освящены традициями и законами шариата.

Фабричные цехи заполнили уйгурки и узбечки в чер-

ных, свешивающихся со лба чачванах и киргизки с открытыми лицами. Передовое техническое оборудование — запарочные и мотальные агрегаты, калибровочные и пылеочистительные барабаны — не произвело на них сначала почти никакого впечатления: о чудесах городской техники они слышали еще у себя в селениях.

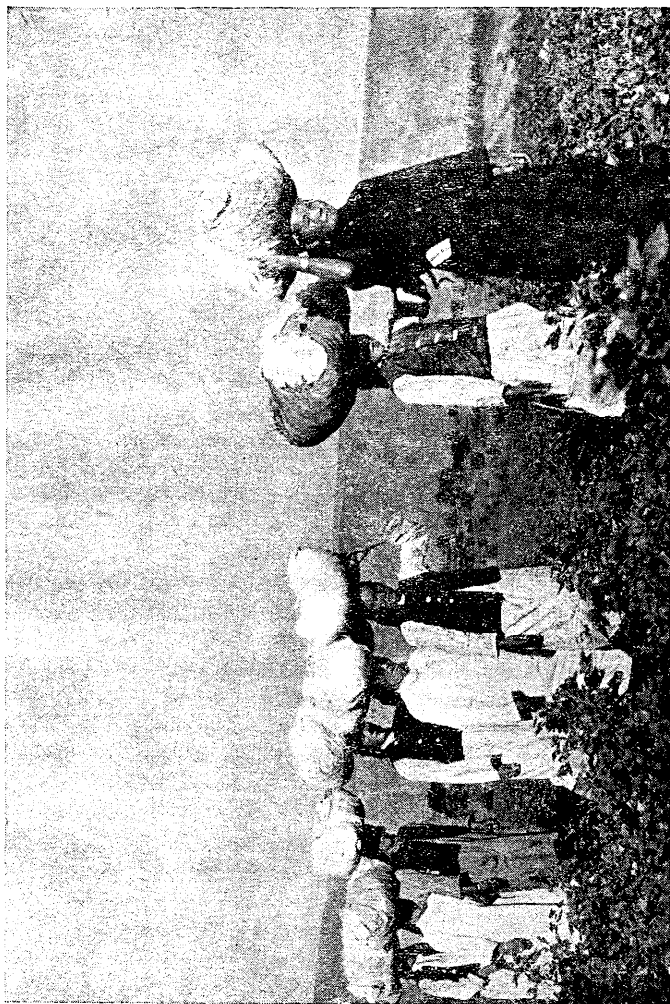
Не особенно на первых порах захватывали их и проводившиеся на фабрике беседы о правах советской женщины, ибо охватить сразу всю полноту этих прав, понять, какое имеет это непосредственное отношение к их повседневной жизни, они не умели. Зато мелкие, бытовые права вызывали в них удивление, смешанное с восхищением.

Их удивляло, что они имеют право называть по имени родственников мужа, что они могут ехать с ними на одной арбе, что молодые женщины имеют право перейти дорогу старшим, что на собраниях они могут сидеть не у дверей, а на почетных местах, даже в президиуме. Словом, прежде всего женщины стали высвобождаться от многочисленных табу — запретов, связывавших раньше каждый их шаг.

Постепенно они осваивали производство, овладевали грамотой. Новый, социалистический мир начал раскрываться им со своей житейской стороны: декретные отпуска роженицам, детские ясли, сады и площадки, общественные столовые и клубы, месячные отпуска в домах отдыха и санаториях. И самый мир стал для них раздвигаться: Ош оказался частью Киргизии, Киргизия — частью Советского Союза, Союз — частью земного шара.

Величественная картина мира, картина его истории, его настоящего и борьбы за коммунизм, озарила ярким светом и их место у станка. Женщины почувствовали себя равными среди трудящихся Советской страны, труд перестал быть для них тяжелой обязанностью и стал осмысливать жизнь. Он пробудил интерес к технике. Первые стахановки появились на фабрике.

И, когда здесь установили новейшее японское шелкомотальное оборудование, стахановки в один месяц освоили проектную мощность новых агрегатов. А спустя три месяца давали на них продукции ровно в три раза больше, чем дают на тех же машинах в Японии. Так был наглядно подытожен жизненный путь ошских шелкомотальщиц.

Уборка хлопка.

Вокруг Оша по всей киргизской части Ферганской долины простираются хлопковые поля. Их делят на аккуратные прямоугольники правильные ряды тутовых деревьев и джиды — высокого кустарника с серебристыми листьями. Весной хлопковые поля розовы от крупных цветов, горящих на солнце среди темнозеленых листьев хлопчатника. Осенью они покрываются белоснежной подпушью волокна, свешивающегося из лопнувших коробочек.

Шестьдесят четыре тысячи гектаров засеваются хлопчатником в южной Киргизии. И начиная с августа до первых заморозков, с утра до вечера мчатся по пыльным дорогам долины колхозные грузовики с волокном хлопка. Со всех сторон они съезжаются к поселку Карасу, на краю которого дымится новенькая труба первого в республике большого хлопкоочистительного завода.

Хлопковые колхозы юга — богатейшие колхозы Киргизской республики. Здесь наибольшего размаха достигло стахановское движение — лучшие колхозные звенья собирают с гектара до 50 центнеров высококачественного длиноволокнистого хлопка-сырца (а несколько лет назад и 5 центнеров с гектара считалось тут хорошим урожаем). Около двух десятков хлопковых колхозов сделали уже миллионерами.

Не только хлопком и шелком богата киргизская часть Ферганской долины. Здесь и основная фруктовая база республики. На колхозных бахчах зреют знаменитые среднеазиатские дыни. Вокруг селений разбиты виноградники, окруженные глинобитными заборами. Инжирные и персиковые деревья касаются ветвями плоских крыш мазанок, на которых под лучами солнца сушатся абрикосы, и груши, и вишни. Деревья айвы, широко раскинув сучья, стоят посреди двориков. И под окнами сельских мазанок блестит темнокрасная листва базилика и цветут розы рядом с тыквами-горлянками, из которых колхозники делают табакерки, и чашки, и бутылки, и ведра для воды.

Ярка и пышна природа киргизских субтропиков. Каждое лето сюда в дома отдыха, разбросанные по долине, съезжаются рабочие и колхозники со всей Киргизской республики. И старинная лечебная слава этих мест передвинулась теперь от священной горы Тахт-и-Сулеймана в знаменитый на всю Среднюю Азию Джалаляль-Абадский курорт.

Здесь рядом с санаторием бьют мощные горячие щелочные источники с температурой от $+ 22^{\circ}$ до $+ 42^{\circ}$ Цельсия. Лечение ревматизма, болезней печени и нервной системы, женских и кожных болезней дает тут замечательные результаты. Но особенно славится Джалаляль-Абад лечением болезней почек. В этом отношении врачи сравнивают Джалаляль-Абад со знаменитым на весь мир Каирским курортом.

ЛИНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ФРОНТА

Кромка подножий Тяньшаньских хребтов, та извилистая полоса, по одну сторону которой простираются пашни и сады, а по другую поднимается к небесам хаос каменных глыб, — полоса эта издавна была и линией фронта между враждовавшими, исторически сменявшими друг друга народами. Народы-завоеватели захватывали прежде всего культурные земли, где стояли города и селения, а побежденные народы уходили в глубь гор и оттуда — из этих естественных крепостей — совершали опустошительные набеги на долины.

Именно в предгорьях сохранилось больше всего памятников исторического прошлого Киргизии. В Таласской долине уцелели древнетюркские надписи времен западно-тюркского государства VI—VIII веков, властелины которого кочевали около реки Чу, вокруг большого торгового центра Суяба. В Иссыгатинском ущелье сохранилось изображение Будды, высеченное на скале китайцами, разрушившими в VIII веке Суяб. В том же VIII веке с севера пришли орды тюрков-карлуков, они основали в Чуйской долине Баласагун — огромный город, ставший в X веке столицей государства Караханидов, а потом и крупнейшим центром обширной империи кара-китаев. От кара-китаев в предгорьях Чуйской долины уцелело несколько несторианских кладбищ и множество надписей, высеченных на плитах сирийскими письменами.

Вся политическая история Тяньшаньских гор — от древних саков (скифов), полчища которых в 329 году до нашей эры были у подножья Чаткальского хребта разбиты войсками Александра Македонского, до монгольских орд Чингис-хана, захвативших Баласагун в 1216 году, от воинов Тамерлана, кривыми саблями обращавших в ислам непокорных горцев-язычников, до царского полковника

Колпаковского, организовавшего под Узун-Агачем кровавую бойню киргиз, — вся история представляет собой цепь завоевательных и религиозных войн, враждебных столкновений между родовыми вождями и феодальными князьями, цепь грабежей, убийств и предательств.

Киргизы, народ тюрко-монгольского происхождения, окончательно определились как целостная нация в XVI веке. Правда, первое упоминание о них относится еще ко II веку до нашей эры, а по китайским источникам в глубокой древности киргизы (ки-ли-ки-цзы) представляли самостоятельное государство. Но лишь в XVI веке, поселившись на территории современной Киргизии и слившись воедино с горными племенами (застравшими на Тянь-Шане остатками всех народов, проходивших сквозь Среднюю Азию), киргизы образовали хоть и раздробленную на мелкие родовые группы, но единую нацию.

От этой эпохи до нас дошло два замечательных исторических и художественных памятника, две эпические поэмы, записанные недавно из уст сказителей, «Манас» и «Семетей». По образной выразительности, по силе и яркости красок, наконец, по широте полотна, раскрывающего не только киргизский быт и экономику, но и жизнь всех окружающих народов, «Манас» и «Семетей» не знают равного себе эпического произведения. Это подлинная энциклопедия жизни среднеазиатских народов, художественная энциклопедия того исторического периода, конец которому пришел лишь в дни, когда у подножий Тянь-Шаня заблестели штыки русских полчищ, забросавших пушечным огнем беззащитные селения, превративших Киргизию в колонию Российской империи.

Плакатная фраза о том, что «царизм въехал в Среднюю Азию верхом на пушке», приобретает особое звучание в применении к Киргизии. По причудливому стечению обстоятельств российские пушки впервые обрушились на киргизский народ за столетие до прихода сюда царских войск. В начале XVIII века Петр Первый, мечтая о походе на Индию, снарядил в Среднюю Азию экспедиции Бухгольца и Бековича. Обе экспедиции погибли в пути. Но один из участников экспедиции Бухгольца, шведский унтер-офицер Ренат, был захвачен в плен джунгарскими калмыками и за восемнадцать лет жизни среди них обучил калмыков орудийному делу, книгопечатанию и дру-

Известный сказитель «Манаса» Малдыбасан.

гим ремеслам. С него-то и начались военные успехи знаменитого калмыцкого князя Гальдан Цырена — степного разбойника и феодала, устроившего небывалую по размерам резню киргиз. Страшная память о Гальдан Цырене жива и по сейчас в тьяншаньских горах.

Передовые батальоны царской армии появились в Чуйской долине в пятидесятых годах прошлого века. Киргизские князьки в то время числились вассалами и данниками кокандского хана. Царские генералы разгромили пушками народ, вооруженный деревянными пиками и десятком кремневых ружей, смели артиллерийским огнем целые селения, подкупали и стравливали между собой феодалов и писали пышные реляции, начинавшиеся так: «Дикокаменные киргизы, напуганные успехами русского оружия...»

«Освободив» крестьян от крепостной зависимости, а заодно и от земли, царское правительство в шестидесятых годах XIX века разослало по российским селам указ, в котором значилось, что «люди неимущие и недовольные чем, но наделенные послушанием и годные к ремеслу, а случаем и придурковатые, но не буйного помешательства, подлежат переселению в Семиречье при всех дарованных льготах».

Этим путем государство не только пыталось освободиться от недовольного крестьянского населения, но и создавало себе на окраинах прочную опору в лице кулачества: земля в Семиречье богатая, хлеба родятся, как в сказке, по грудь, киргиз, оставшихся без земли, без хлеба, много, значит и батраки найдутся.

«Киргизам оставлялись в пользование только худшие земли, все же лучшие от них отбирались и передавались русским переселенцам, которые вместо того, чтобы самим обрабатывать землю, находили для себя более выгодным и удобным не работать, а сдавать эти земли тем же киргизам в аренду или же обрабатывать их киргизами же, нанимая их за нищенское вознаграждение. Таким образом, получилась такая картина, что киргизы, лишившись лучшей своей земли, платили в то же время за нее деньги». К этой выдержке из доклада одного крупного войскового начальника туркестанскому генерал-губернатору Куропаткину добавить нечего: пути и смысл переселенческой политики царизма обнажены ею с ясностью.

Быстрее всего киргизы были вытеснены из Чуйской и

Иссыккульской долин, по которым тянулись полосы киргизских посевов. Пашни у киргиз были отняты. «Цивилизаторы» превратили полукочевников в чистых кочевников. А у подножий ледяных хребтов забелели шетни, словно на Полтавщине, и запели петухи вокруг украинских хат и изб российских переселенцев.

Полоса тьяншаньских предгорий снова стала линией фронта, линией наступления царизма на киргизский народ. Вдоль гор выросли крепости — Пишпекская, Токмакская, Пржевальская.

История того, как был заложен город Пржевальск (нынешний Каракол), жива и посейчас в памяти старожилов и прямо указывает на «историческую миссию», уготованную ему завоевателями. Прежде всего выросли стены крепостцы, потом, по идее войскового попа, срочно воздвигли из войлока временную церковь, следом за этим, привезя с собой на телегах разобранные кабаки, понаехали купцы и застроили первую улицу, состоявшую сплошь из кабаков.

Опираясь на русские селения, управляли покоренными горами царские чиновники. Классическая фигура станового пристава — зубодробилы и мздоимца, — освобожденная здесь совсем от «недреманного ока» начальства, проявила исконные свои качества с удесyтеренною силой. Взятничество и всякого рода незаконные поборы сделались на тьяншаньских хребтах основной, безраздельно господствующей пружиной государственного управления.

Началось прямое ограбление киргизского народа, грабеж, в котором на правах дольщиков приняли самое деятельное участие киргизские манапы и баи. Большинство из них за большие деньги покушали у царской администрации должность «богуша» — волостного управителя. Используя свою родовую власть и феодальные пережитки, залугивая бедняков русским приставом, они с лихвой покрывали свои «предвыборные расходы». Так родовые вожди превратились в крупных кулаков, владельцев тысяч стад.

Три пословицы, живущие в горах, как память о недавнем прошлом, ярко определяют взаимоотношения основных слоев киргизского народа перед революцией:

«У лошадей завязаны рты, и они не ржут, а откормленный бык ревет во все горло» — пословица о бае и бедняке, о бесправии трудового кочевника перед лицом богатого.

«Берсе да бересын, бербесе да бересын» — «Дашь возь-
мом, и не дашь возьмем» — слова грабивших народ ат-
каминеров — дружинников феодального князька, крыла-
тые слова, превратившиеся в пословицу.

И, наконец, звучащая словно жалобная песня послови-
ца, лирически раскрывающая всю бездну нищеты бедня-
ка: «Ах, если бы у меня были пшено да соль, то я сварил
бы кашу, да жаль нет масла».

В те дни, как и ныне, колесило над горами солнце, в
ущельях тоненько блеяли овцы, далеко слышался свист
горных индеек, расписные бабочки порхали над пастби-
щами, ветер срывал брызги с водопадов, прыгающих через
тропинки, и среди цветущей природы в дырявых юртах,
в грязи и нищете жили хозяева этих прекрасных гор пас-
тухи. Их обирали баи и царские чиновники. Их косили
болезни. Киргизский народ вымирал.

Вся острота этих дней сохранена нам песней Токтогу-
ла — знаменитого киргизского певца-импровизатора, за-
кованного царским правительством в кандалы и сослан-
ного в Сибирь за революционные песни:

«Будьте прокляты вы, болезни, прожигающие нас так,
что от человека остается лишь кость!

Будь проклята жадность бая и русского судьи — она,
как камень, которым на весах взвешивают мою жизнь!

Каждый знает, даже дорожная пыль знает, что камень
куда тяжелее, чем кость!

Кто же ударит камнем о камень, высечет искру и сча-
стья костер разожжет!?»

Песня эта глухо отозвалась кандалным звоном на ру-
ках певца.

А завоеватели, развернув линию крепостей, двинулись в
горы и нанесли киргизам удар в самое сердце — удар по
пастбищам.

«3 500 налаженных киргизских хозяйств подлежат уни-
чтожению в интересах правильной фигуры площади зем-
ли, подлежащей прирезке казакам по воле губернатора
Фольбаума». Этот циничный документ выражает сущность
колониальной политики царизма на Тянь-Шане: ставку
на физическое уничтожение киргизского народа.

Бежавшие в Китай киргизы так описывали свое поло-
жение в прошениях, поданном на имя русского консула в
Кульдже: «Принадлежащие нам земли от нас взяли под
предлогом, что мы не отбываем воинскую повинность,

нам же предоставили горы. Но горы, занятые лесом, оказались казенными. На скот и юрты паложили подать. Поля отошли к крестьянам, а горы отошли в казну. и нам нечем было жить. Каждая волость ежегодно платила штрафы по несколько тысяч рублей. причем кто был в состоянии, тот платил, а бедные отсиживались под арестом».

Российский империализм, отнимая у кочевников пастбища, стремясь за бесценок скупить скотину, которую киргизам негде становилось кормить, планомерно загонял целый народ «на самые вершины гор» (как писали киргизы в другом прошении), на дикие утесы и ледники, в пояс вечных снегов.

И тогда доведенный до отчаяния безоружный киргизский народ поднял героическое восстание.

ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОД

Нельзя без волнения слушать рассказы очевидцев о событиях, с которых началось национально-освободительное восстание киргиз. Поводом к нему послужил опубликованный в 1916 году «Приказ о реквизиции для тыловых работ инородцев империи». Как разъяснялся этот приказ в селениях, рассказывает старик-колхозник Касыболотов:

«Приехал к нам пристав, вынул бумагу, говорит — все молодые поедут со мной! Мы удивились, что такое. У нас, говорит, война — русские сидят в канавах и убивают из пушек шайтанов. Шайтаны сидят в канавах и убивают из пушек русских. Вы, киргизы, не можете убивать шайтанов, — будете между нами рыть канавы. Мы спросили: очень далеко это — война? Туда, говорит, на трех лошадях год ехать».

Приказ о «реквизиции» подбавил огня в накаленную и без того атмосферу. Киргизы стали уклоняться от мобилизации. Один маленький, но характерный штрих бросает яркий свет на то, как напряжена была обстановка в горах:

5 августа к пржевальскому уездному начальнику съехались волостные управители — крупные маналы и баи — и попросили посадить их в тюрьму. Они говорили, что, если их арестуют, народ, жалея их, сам придет в город и составит приговоры об отправке людей в армию. Если же они, волостные управители, согласятся на мобилиза-

цию, то их перережут «реквизированные» киргизы и их родственники. Предательская роль маналов и баев раскрывается в этом эпизоде с особой силой.

Напряжение в горах час от часу нарастало. Царские чиновники пустили провокационный слух о «бунте» киргиз. Крестьяне-поселенцы стали лихорадочно вооружаться. Одного киргиза избили русские кулаки, и при создавшейся обстановке этого было довольно, чтобы все батраки-киргизы бежали из сел в горы: страшная весть о готовящейся резне мусульман облетела хребты. Волна народной ненависти против угнетателей поднялась на огромную высоту, стихийно перерастая в восстание.

Киргизские маналы и баи, испуганные надвигающейся грозой, всячески старались ее задержать, остановить. 20 августа триста «почетных киргиз» пришли к пишпекскому уездному начальнику с настойчивыми просьбами послать в горы войска для успокоения молодежи. И лишь на следующий день, когда восстание, вспыхнув в Чонкеминской долине, стало стремительно перебрасываться из долины в долину, киргизские богачи вынуждены были примкнуть к восставшим.

22 августа повстанцам Сарыбагишевской волости удалось захватить шедший к Пржевальску транспорт оружия — около двухсот винтовок и трех тысяч боевых патронов. И, хотя мало кто из киргиз умел обращаться с винтовками, весть об этом вызвала необыкновенный энтузиазм, к восставшим стали присоединяться киргизы самых далеких волостей.

Как неорганизованно и стихийно началось восстание, ярче всего видно из трагических событий в селе Беловодском. Баи распространили провокационный слух среди киргиз, кочевавших по соседству и не примкнувших к повстанцам, что, если они получают от беловодского пристава Грибановского бумагу с надписью «мирный», их никто не тронет. 138 человек пришло за такими бумагами в Беловодское. Здесь их арестовали и под конвоем отправили в Пишпек.

Была жара и страшная пыль, но конвоиры прикладами и шомполами отгоняли киргиз от ручьев, не давали им пить и торопливо гнали вперед. По пути арестованных обстрелял встречный отряд солдат, убив и ранив несколько человек. Раненых тут же приколотили, и трупы взвалили на ехавшие позади телеги. Шествие киргиз мало-по-

малу превратилось в кровавую процессию. В попутных селах русские кулаки зверски избивали арестованных и, насытившись зрелищем крови, отправляли киргиз дальше. В Пишпек привели лишь тридцать пять человек. Вслед за ними на телегах привезли горы обезображенных трупов. В тот же вечер на пишпекской церковной площади киргизам, оставшимся в живых, приказали лечь, и они, как свидетельствует очевидец, были «городовыми и дружинниками все перебиты штыками под музыку из сада».

В это время в Беловодском разыгрались не менее страшные события. Едва увели отсюда в Пишпек группу арестованных, как в село приехало несколько сот человек киргиз с просьбой, чтобы арестованных освободили. Их обманом заставили слезть с лошадей и ввели во двор волостного правления. Вокруг собралась громадная толпа казаков. Возбуждаемая русскими кулаками, подогреваемая яростными выкриками, толпа эта все теснее обступала двор.

Видя, что пристав и в ус не дует, один из казаков начал стрелять сквозь ворота в киргиз. Несколько киргиз бросилось было бежать. Это послужило сигналом для всеобщего побоища. Озверевшая толпа казаков ринулась на безоружных киргиз, стреляя в них, выхватывая по одному человеку со двора, убивая палками, поленьями и топорами. Пятьсот семнадцать человек было убито здесь за один день.

Весть об этих убийствах подняла на ноги весь киргизский народ. Отряды повстанцев стремительно двинулись в Чуйскую долину и на следующее утро осадили городок Токмак. Киргизы начали убивать ненавистных приставов и жечь кулацкие села. Но что могли поделать люди, вооруженные пиками, против пулеметов и пушек! Пока они осаждали Токмак, а разрозненные отряды героически пытались окружить Пржевальск, со всех сторон на Тянь-шаньские хребты двигались карательные войска с конными батареями и пулеметами.

Выразительнее всего рисует эти дни маленький эпизод, происшедший около озера Иссык-куля. Двести киргиз собрались тут и решились навстречу царским войскам спустить воду из Иссык-куля в реку Чу. Если бы им удалось вырыть канаву, они, быть может, и затопили бы озерной водой всю Чуйскую долину вместе с войсками и селами. День и ночь они рыли канаву — в горах уже зве-

нели стрелы, киргизы скатывали лавины на роты царских солдат и офицеров, и киргизские селения сносились с лица земли артиллерийским огнем. Всего шестьдесят шагов осталось рыть повстанцам свою канаву. Но скалы преградили им путь.

«Если бы ты знал, товарищ, каким твердым бывает иногда камень! — рассказывает об этом тот же старик-колхозник Касыболотов. — Мы сломали семьдесят шесть кетменей и за целый день подвинулись на полшага! Тут мы сели и заплакали. Вдруг будто горы раскололись, будто небо упало, ужасный шум произошел, и мы увидели огонь и дым. Это стреляли русские. Солдаты забросали нас огнем и дымом, многих хороших людей не стало, и тысячи коней разбежались по горам, махая обгоревшими гривами».

Генерал Куропаткин, двинувший пупки против кочевого народа, потопил восстание в крови. В те дни слышнее всего в горах были голоса плакальщиц. Весь народ со своими стадами и нехитрым скарбом бросился бежать в Синь-Дзянь. Поздней осенью через перевалы, заваленные снегом, по глубоким ущельям и ледникам двигались лошади, шли кучки голодных, замерзавших в пути стариков, женщин, мужчин и детей. Их преследовали карательные отряды и казачьи дружины, убивавшие и грабившие всех киргиз и дунган, попадавших на пути.

Царские чиновники всячески воодушевляли грабителей. В одной черносотенной газете писалось с пафосом, что «разгромив скопища киргиз, русские расплатились за Москву, Киев, Чернигов, за все разграбленные, выжженные и разоренные азиатскими ордами русские города».

Киргизский народ докатился до китайской границы. От морозов в пути погибли тысячи людей, от бескормицы пали десятки тысяч голов скота. Особенно тяжело пришлось беглецам на пограничном перевале Бедель, где на них налетела жестокая вьюга. До сих пор на этом перевале нога скользит по засыпанным снегом круглым камням. Стоит путнику нагнуться и разгрести руками снег, и он поднимет череп — немой свидетель трагической гибели повстанцев.

На границе новое бедствие поджидало киргиз. Синь-Дзяньские правители — даотай — выставили у пограничных перевалов усиленную стражу, пропуская беженцев в Китай только за большой выкуп. Здесь киргизы лишились последних своих лошадей и овец. Со склонов хребта Кок-

Шаала в Китай спускались кучки пеших людей, тащивших на плечах остатки домашнего скарба.

Киргизы были согнаны с Тяньшаньских гор и обречены на вымирание. И в дни завершения этой всенародной трагедии генерал Куропаткин с циничным спокойствием размышлял над судьбами «вверенного ему» края. Сухие строчки протокола рассказывают об этом так: «Рассмотрев карту, его высокопревосходительство генерал-губернатор высказал, что считает необходимым отобрать от киргиз все те земли, где пролита русская кровь».

Осуществление этого плана — создание новых казачьих станиц в высокогорных долинах и пасправа кулачества с оставшимися на хребтах, бродившими в глубине гор кучками киргиз — приняло особенно широкий размах при буржуазном правительстве Керенского.

Лишь после пролетарской революции киргизы стали возвращаться из Китая на родные пастбища. Молодое советское правительство в Туркестане наделяло беженцев землей и скотиной. Ни голод, ни мор, ни огонь, брошенные интервентами на советскую землю, ни кулацкие мятежи в селах Беловодском и Таласе не остановили братской помощи русских пролетариев киргизскому народу.

Киргизский народ был возвращен к жизни, пережил свое второе рождение, и итоги этих величайших в его истории событий выразил в короткой пословице:

«Не тот умер, про которого говорили, что он умрет, а умер тот, кто носил лисью шубу».

«СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ АСТУРИЯ»

Разрушенные колодцы около Майли-су свидетельствуют о добыче здесь нефти войсками Александра Македонского; остатки старинного рудника у Иссык-куля напоминают о владычестве китайцев, плавивших здесь из руды железо; несколько допотопных угольных шахт с хищнической техникой в Кызыл-кие и Сулюкте говорят о неспособности русского царизма разрабатывать естественные богатства Киргизии. Вот полный перечень промышленных разработок этих богатейших гор за две с половиной тысячи лет!

Чтобы изобразить рост киргизской промышленности за последние годы, пришлось бы на диаграмме рядом со спи-

чечным коробком нарисовать десятиэтажный дом. Это не значит, что Киргизия стала уже высокоиндустриальной страной: освоение ее природных богатств только началось, сделаны самые первые шаги. И сравнение спичечного коробка со зданием имеет лишь тот смысл, что они несоизмеримы,— их вместе в одинаковом масштабе даже нарисовать невозможно. Киргизская горнорудная промышленность по сути дела создана заново.

Ясно, что при существующем на хребтах бездорожье проще и дешевле всего было начинать разработку гор с края — со стороны Чуйской и Ферганской долин. Первые рудники и шахты поэтому построены именно здесь. Так полоса подножий Тяньшаньских хребтов сделалась промышленной полосой Киргизской республики.

Два больших свинцовых рудника — Актюз и Боорду — выросли в предгорьях Чуйской и выходящей к ней Чонкеминской долин. Кроме свинца, на этих рудниках добывается олово. И, что важнее всего, в свинцовой руде обнаружено присутствие одного из редчайших в мире металлов — индия.

В предгорьях Ферганской долины сданы в эксплуатацию мышьяковый рудник Учимчак и первая очередь Хайдаркано-Кадамджайского комбината по добыче сурьмы, ртути и плавикового шпата; рядом с колодцами Александра Македонского поднялись буровые вышки нефтепромысла Майли-су, и, обгоняя его в развитии, стали стремительно расти новые нефтяные промыслы Чангырташ-сузак; неподалеку от них разрабатывается богатейшее Чангырташское месторождение серы.

Но особенно богата южная Киргизия угольными районами, охватившими полукольцом всю Ферганскую долину. Кустарные Кзылкийские и Сулюктинские угольные разработки превратились в мощные, оборудованные новейшей техникой шахты, и с ними соревнуются новые угольные районы: Кокянтак и Ташкумыр.

Киргизию называют теперь «среднеазиатской кочегаркой»: железные дороги и фабрики Узбекской, Таджикской, Туркменской и Киргизской республик питаются ее углями. Больше двух миллионов тонн угля в год выдается на-гора в Ферганском бассейне. И добыча эта будет неуклонно расти, ибо каждую осень геологи привозят с гор сведения о новых угольных месторождениях.

Раскинувшийся у подножья Алайского хребта, старейший и крупнейший из киргизских угольных районов, Кзыл-кия имеет яркую историю. Недаром кзылкийские горняки любовно величают свой поселок «среднеазиатской Астурией».

До революции здесь, по склонам глинистых холмов, поросших полынью, бурьяном да колючкой, лепились шахтерские землянки, среди которых высилось всего пять строений: горная контора, дом хозяина, полицейский участок и две квартиры стражников. Условия труда и быта были в Кзыл-кие невиданно тяжелыми. Не говоря о нищенской зарплате, не говоря о штрафах, о шестнадцатичасовом рабочем дне, сама шахта была как будто приспособлена для массового убийства людей.

Входом в нее служила дыра в земле. Сквозь эту «дудку» шахтер прямо на угольной бадье спускался в штольню, которая почти никак не вентилировалась, хотя глубина залегания угольных пластов доходит в Кзыл-кие до двухсот метров. Задыхаясь без воздуха, обливаясь потом из-за невыносимой жары, распространявшейся от горевшего где-либо по соседству участка, лежа на животах, вели забойщики в стороны от штольни кривые штреки. Тратиться на крепление при дороговизне леса в Средней Азии шахтовладельцы не хотели и предпочитали поэтому хищническую проходку угольных пластов узкими штреками. Но обвалы происходили и в штреках.

«Шахтер в шахту опустился, с белым светом распростился...» Эти слова из известной горняцкой песни имели в Кзыл-кие особенно реальное и страшное значение. Каждую неделю бадья поднимала из шахты тела мертвецов — раздавленных ли породю, задохнувшихся или умерших от истощения.

— В будни мы работали, а по воскресеньям хоронили товарищей, — вспоминают старые шахтеры.

В Кзыл-кие не было ни своего кладбища, ни попа, на них хозяева тоже не считали нужным расходоваться. Покойников заколачивали в гробы, выстраивали их рядами в часовенке, и каждое воскресенье, утром, из Кзыл-кии в Скобелев на «кукушке» выезжала похоронная процессия. И у всех провожающих, если дело происходило зимой, в карманах лежали мочалки, ибо даже своей бани, и той в Кзыл-кие не было. Летом шахтеры купались под шумящим неподалеку от поселка водопадом, зимой заодно с

похоронами смывали с себя в городе недельную угольную грязь.

История того, как маленький пролетарский район, единственный в Туркестане, затерянный, словно песчинка, в глубине царской колонии, сумел осознать себя частью рабочего класса.— яркая страница в истории всей Средней Азии. В 1912 году кзылкийские горняки вместе с пролетариатом России откликнулись на ленские события политической забастовкой.

В семнадцатом году, после Февральской буржуазно-демократической революции, когда в Туркестане забушевала стихия национально-освободительного движения и. напуганная его ростом, национальная буржуазия, предавая интересы дехкан, договаривалась о власти с контрреволюционным офицерством, в дни, когда чиновники Временного правительства в Ферганской долине начинали попойки с тоста за свободу и тут же пили за план генерала Куропаткина об изъятии у киргиз земель, «обогранных русской кровью»,— в эти дни лишь маленький горняцкий поселок в Средней Азии сумел подняться до понимания событий, лишь он отозвался забастовкой протеста на расстрел июльской демонстрации в Петрограде, отозвался, правда, с опозданием, ибо номер большевистской газеты, посвященный этим событиям, проплутал больше месяца, прежде чем добрался в такую глушь.

Вслед за забастовкой кзылкийские шахтеры энергично стали сколачивать вооруженный отряд Красной гвардии, связались через революционных железнодорожников с ташкентскими большевиками, а после Октябрьской революции сразу установили у себя советскую власть — выбрали рудничный совет и в январе восемнадцатого года национализировали шахты.

В том же восемнадцатом году узбекские буржуазные националисты вместе с царскими офицерами подняли в Ферганской долине мятеж против советской власти, захватили ферганские города и провозгласили Кокандскую автономию. Из Ташкента на ликвидацию мятежа были брошены отряды Красной гвардии. В разгар ожесточенных боев под Кокандом, когда красногвардейцы, устлая землю ранеными, пядь за пядью двигались к городу, в тылу у мятежников неожиданно негадано появились черные от угольной пыли шахтеры.

Их было немного — каких-нибудь шесть десятков чело-

Кзылкийский шахтер.

век, наступавших на стотысячный город. Навстречу им из Коканда вынеслись конные сотни Мадамин-бека. Завидя их, шахтеры залегли цепью. И в ту минуту, когда перед ними блеснули кривые клинки и раздался оглушительный крик «ур!» («бей!»), шахтеры встали и разом бросили самодельные ручные бомбы, начиненные динамитом и обрубками железа.

До вершук тополой взлетела перед ними стена огня, взлетела с таким грохотом, что и шахтеры малость струхнули, подались назад и потом долго делились удивленными восклицаниями по поводу собственного изобретения. Кюница же мятежников в беспорядочном бегстве повернула вспять и внесла с собой панику на кривые улочки азиатской части Коканда. Эта паника решила дело, фронт мятежников дрогнул, начал рассыпаться, отряды Красной гвардии быстро заняли город.

Руководители мятежа, разбитые наголову в Коканде, сразу обнаружили свою истинную сущность. Они превратились в полуночных налетчиков, в вожаков басмаческих шаяк, грабивших узбекские и киргизские селения. Фигура дехана, сидящего на ступеньках кзылкийского ревсовета и горестно рассказывающего шахтерам о том ли, как басмачи угнали его скотину, о том ли, как они сожгли его дом, изнасиловали и увезли с собой его дочерей, — фигура эта стала обычной в горняцком поселке. Со всех концов Ферганской долины всадники скакали за помощью к кара-адамам — «черным людям», как звали кзылкийцев местные жители. И отряды шахтеров летели на выручку к узбекским крестьянам и киргизским пастухам, гонялись за бандами, уничтожали их, наводили в кишлаках революционный порядок.

Крупные басмаческие шайки Мадамин-бека, Муэддина, Курширмата за дни гражданской войны не раз пытались внезапным налетом разгромить кара-адамов и захватить Кзыл-кию. Налеты эти тщательно готовились бежавшими из Скобелева царскими офицерами — они отлично понимали, что, пока существует «Кзылкийская республика» (как именовали себя шахтеры), не быть Ферганской долине белой. Но каждый налет неизменно кончался тем, что басмачи обращались в бегство.

Застать шахтеров врасплох было невозможно. На красных глинистых холмах вокруг поселка круглые сутки бодрствовали дозорные, и поселок, словно крепость, был обне-

сен окопами и проволочными заграждениями.⁸ Едва в ночи возникали два выстрела тревоги, как этот сигнал тонко подхватывали гудки всех паровозиков. Вслед за ними две торчавшие из-за блиндажей старинные пушки с необычайным громом начинали выплевывать снаряды, и из окопов раздавался разноголосый треск шахтерских винтовок, карабинов и охотничьих ружей. Одного этого шума иногда бывало достаточно, чтобы басмачи убрались во-свояси: когда горняцкий отряд, оседлав коней, выносился из поселка, шахтеры обычно видели лишь быстро удаляющееся облако пыли, заслонявшее звезды над горизонтом.

В самые напряженные дни гражданской войны кзылкийцы не переставали добывать уголь. Они спускались в шахты со своими винтовками и саблями. По тревожному звону привязанного к веревке колокольчика они бросали кайло, бежали к бадье и, выйдя на-гора, сразу садились на коней, которых конюхи подводили оседланными прямо к «дудке». Возвратившись из какого-либо кишлака после боя с басмачами, они снова спускались в шахты, ибо Кзыл-кия взяла на себя обязательство каждый день доставлять среднеазиатской железной дороге поезд угля.

В 1919 году, когда образовалась так называемая «оренбургская пробка» — Туркестан был отрезан от Советской России, когда в Закаспии хозяйничало контрреволюционное эсерское правительство и ашхабадские улицы патрулировались английскими сипаями, когда волна басмаческого движения охватила Среднюю Азию, — в эти дни судьбы советского Туркестана решал именно уголь, решала бесперебойная работа железной дороги, по которой можно было быстро перебрасывать красноармейские части и военное снаряжение. Так на кзылкийских пролетариев легла ответственность за всю Среднюю Азию.

И шахтеры не подкачали — железная дорога получала необходимое количество угля. Трудящиеся Туркестана в глубоком тылу у белых отстаивали советскую власть до полного разгрома белогвардейщины, до того дня, когда с севера сюда пришли первые эшелоны Красной армии, руководимой Михаилом Васильевичем Фрунзе.

Кзыл по-киргизски — красный, кия — дорога, идущая вверх. Название это, происшедшее от красных глинистых холмов, взбегающих к подножью Алайского хребта, за годы гражданской войны стало в сознании киргизских пастухов символичным. Но еще большую глубину оно получило пос-

ле гражданской войны, когда Кызыл-кия сделалась кузницей пролетарских кадров для всей Киргизской республики.

На долю кзылкийских рабочих выпала почетная задача воспитания вчерашних кочевников. Пастухи, поработав на шахтах, выходили отсюда хозяйственниками, техниками, партийными работниками. Первое поколение киргизского рабочего класса и пролетарской интеллигенции было воспитано в Кызыл-кие. Это поколение потом вынесло на своих плечах всю тяжесть социалистического переустройства родных гор.

По «красной дороге, идущей вверх», тысячи людей поднимаются к вершинам человеческого счастья. И весь исторический смысл этого всенародного подъема в гору отражен в рисунке одного из кзылкийских школьников: на вершине снежного пика, опершись об отбойный молоток, стоит Кулатов—молодой кзылкийский забойщик, стахановец, хозяин своей страны—депутат Верховного Совета СССР. А у подножья гор карандашом набросаны штрихи каких-то строений. Каких? Быть может, это очертания раскинувшегося на кзылкийских холмах нового завода по изготовлению из красных глин каменно-керамических изделий, метлахских плиток и дорожного клинкера... Быть может, это контуры домов нового шахтерского поселка. Впрочем, и в том, и в другом случае они означают социалистическое строительство. И не беда, что товарищ Кулатов по сравнению с хребтом изображен великаном. Ведь рисунок этот уже не проза, а эпос—история народа, воплощенная в одном человеке.

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛЕСА

Волнистая линия хлопковых полей от селения Базар-Кургана поднимается к Ферганскому хребту, вдаваясь глубокими заливами в ущелья. Едва кончаются пашни, как тропку тесно обступают заросли боярышника, крушины и барбариса, и все чаще бросают на нее черную тень одинокий клен, или ясень, или гигантское дерево грецкого ореха. Покрытые лишайниками скалы, на которых отдыхают ящерицы, выдвигаются из кустов, отбрасывая тропку то влево, то вправо. Широкие кроны ореховых деревьев малопомалу заслоняют зубцы и пики хребта, а потом закрывают и все небо так плотно, что голубых лоскутов не видно

вовсе, а солнце угадываешь лишь по золотым пятнам, чуть вздрагивающим в листве.

Отсюда простираются вширь ореховые и фруктовые леса Арслан-боба, те «заповедные леса страны Базара», в которых, по свидетельству Квинта Курция, весной 328 года до нашей эры Александр Македонский устроил грандиозную охоту и собственноручно убил льва.

Киргизские пастухи рассказывают о лесах этих легенду, будто они остатки древнего сада, который некогда тянулся от Китая и до берегов Каспийского моря. В грязной юрте у очага, топившегося конским пометом, родилась эта сказка о чудесном саде. Но и у потомков ее создателей—киргизских хозяйственников—глаза загораются, едва напомнишь им об Арслан-бобе. «Серебряные леса!» говорят они. И это самое скупое, самое прозаичное определение.

Дело в том, что на стволах и у корней деревьев грецкого ореха образуются наплывы — особые наросты, представляющие собой колонии громадного числа спящих почек. Из них производится высококачественная отделочная фанера. Цена наплыва на международном рынке равна точно такому же количеству серебра, сколько весит сам наплыв. А в Арслан-бобе таких «серебряных слитков», весящих от тонны до трех, уйма.

Да и не только наплыв, само ореховое дерево представляет богатство. Столяры из его древесины могут выделывать дорогие изделия, красноармейцы — ходить в одежде, выкрашенной устойчивой защитной краской, добытой из ореховых листьев, кожевники — работать с дубильными экстрактами, полученными из зеленой оболочки плодов, хлопкоробы добиваться прекрасных урожаев, удобряя поля золою от ореховой скорлупы, маслоделы — производить из плодов ореха отличное масло — арсланбобские орехи исключительно богаты жиром, масла в них до 76 процентов. Нужно ли вспоминать об орехах, о восточных сладостях с орехами?

В глубине этих лесов разбросаны заросли фисташки, алычи, барбариса. Только одних диких миндальников, которыми поросли сухие склоны гор, здесь полторы тысячи гектаров. Сливовые опушки окаймляют ущелья. Словом, Арслан-боб это и впрямь чудесный сад, такой, каким он рисуется в детских сказках, величественный сад, где груши, и яблоки, и абрикосы с веток сами в рот глядят, где ветер-волшебник, пройдясь по деревьям, вызывает орехо-

вый дождь, где птицы яркие и звери доверчивы и на муравейниках видны отпечатки медвежьих лап.

Столетия жили кочевники около этого богатства и не знали ему цены: фрукты поедали кабаны и птицы, а орехи сгнивали в буреломе. Потом сквозь горы прошли завоеватели, дороги их были отмечены дымом пожарищ и грабежей, а плодовые леса, попрежнему нетронутые, глухо шумели кронами деревьев, когда со снежных вершин спускался ветер.

И вот, наконец, пришли настоящие хозяева, меж стволов забелели постройки первого лесоплодового совхоза Арслан-боба, в горах все чаще стал слышаться далекий скрип арбы. Рабочие начали в буреломе прорубать просеки и налаживать правильное лесное хозяйство. Это обещает поднять урожайность ореха в 75 раз. Величина этой цифры станет ясной, если сказать, что сейчас урожайность ореховых лесов южной Киргизии равна шестистам тридцати тысячам тонн.

Киргизские грецкие орехи появились на рынках Оша, Москвы, Копенгагена. Ореховый наплыв сделался экспортным товаром. Ученые работают теперь над опытами по перетяжке ореховых стволов, чтобы добиться более быстрого роста наплывов. Еще два ореховых совхоза, Кугарт и Хаджиата, возникли на склонах Ферганского и Чаткальского хребтов.

Леса, о которых раньше жители Ферганской долины имели смутное представление, приобрели всеобщую известность, и ценность их для народного хозяйства Киргизии видна из шуточной фразы, возникшей в кулуарах Академии наук СССР, когда здесь работала конференция по освоению природных ресурсов Киргизской республики, фразы о том, что «даже мусульманский рай с серебряными яблонями вряд ли стоит дороже этих лесов».

Арсланбобские ореховые заросли занимают ведущее место и в охотничьем хозяйстве Киргизии. Тут среди двухсотлетних деревьев, верхушки которых обломаны от тяжести зимнего снега, живут барсуки и куницы, дикообразы и белки. За свешивающимися с ветвей бледными космами мха можно различить иногда тень притаившейся рыси. Кабаны, гулко ломаая валежник и посапывая, сходятся здесь на водопой к ручьям, сочащимся из-под ореховых корневищ. По утрам лес наполняется гибкими и манящими голосами птиц, трепетом их крыльев в листве. И среди птиц этих

Охотник с беркутом.

много промысловых—вальдшнепы, бекасы, дрозды. А по ночам из чащи до юрты охотника долетает басистый, медленно разрастающийся, полный достоинства, рев барса.

Однако не разнообразием фауны славится меж охотников Арслан-боб, ибо и вся зона лиственных лесов на хребтах Тянь-Шаня также богата птицами и зверями, а в других климатических зонах Киргизии представителей животного мира еще больше. Долины кишат лисами и зайцами, цаплями и фазанами, утками и перепелками. В ущельях пасутся стада грациозных тяньшаньских коз и слышен свист горных индеек, гигантские куропатки—улары—гнездятся над обрывами, сурки с любопытством выглядывают из-за камней, когда мимо них движется караван, и белобрюхие, с оранжевой грудью, огромные орлы-бородачи поднимаются на страшную высоту с костями животных в когтях: они сбрасывают эти кости вниз на скалы, чтобы разбить их вдребезги и полакомиться костным мозгом.

На каменистых грядках медведи порою развлекаются тем, что сталкивают в ущелья обломки скал и с интересом прислушиваются к вызванному ими грохоту лавины, и архары, круторогие дикие бараны, прыгают через пропасти, а

над горами на фоне неба охотники нередко видят четкие очертания ветвистых рогов благородного оленя — марала.

И не количеством добываемой пушнины славится Арслан-боб, так как из Киргизии экспортируются в основном шкурки лис и сурков, а охота за ними куда более развита в других местностях республики.

Ведущее место Арслан-боба в охотничьем хозяйстве Киргизии определяется другим: недавно сюда привезены и выпущены в ореховые заросли доставленные из-за океана североамериканские еноты. Разведение североамериканских енотов в Арслан-бобе — первые шаги планового звероводческого хозяйства в Киргизии.

Из национальных видов охоты популярнее всего на Тянь-Шане охота с беркутом — огромным орлом, выующим гнезда на неприступных скалах. С невероятными ухищрениями достают охотники птенцов из гнезд и с большим искусством их воспитывают.

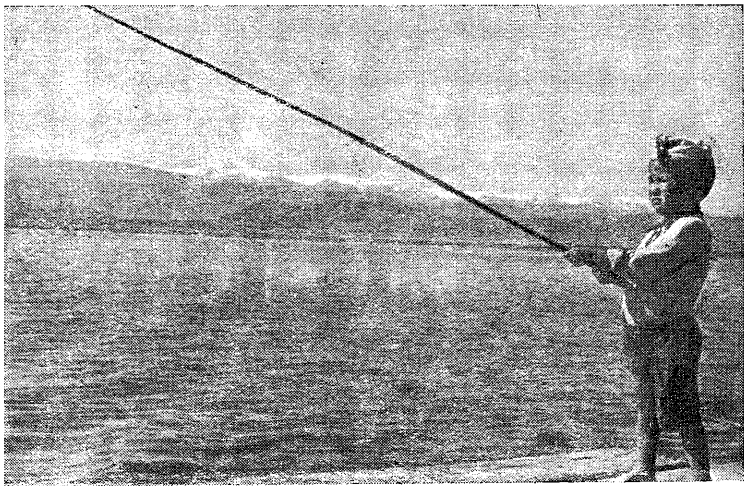
Охотничий беркут сидит обычно в темном, специально отгороженном месте юрты, прикованный цепью к шесту. На голове у него маленькая кожаная шапочка с цветным хохолком. Когда киргиз собирается на охоту, он натягивает беркуту эту шапочку на глаза, чтобы тот был спокойнее, поднимает шесток на руку, плотно обмотанную ксжей, и упирает шесток в пояс, потому что долго держать на руке огромную птицу очень тяжело.

Выбрав место охоты, хозяин беркута приподнимает с его глаз шапочку и освобождает от цепи. Беркут расправляет крылья и круто взлетает на большую высоту. Высмотрев лису, он камнем кидается вниз, садится ей на голову и прежде всего выклевывает глаза.

Тем временем охотник во весь опор мчится к нему на лошади. Ему дорога каждая секунда, ибо, если хищный его питомец не увидит сразу привычной фигуры своего пестуна, он начнет разрывать лису, портить ценную шкуру, а почувяв себя вне хозяйской власти, поняв, что мясо можно добыть и без него, может распахнуть крылья и улететь навсегда в скалы горного гребня.

ОЗЕРО ОТДЫХА

К востоку от озера Иссык-куль на перевале стоит холм, весь усыпанный валунами. Перевал называется Санташ — считанный камень. Рассказывают легенду:

На Иссык-куле.

«Когда Аксак-Темир, знаменитый Тамерлан, шел в поход на Китай, он приказал каждому воину сложить в кучу по камню. Выросла большая гора. На обратном пути, после победы над китайцами, воины Аксак-Темира сняли по камню и унесли с собой в Самарканд. Прошел последний воин, а гора осталась. Остались камни убитых в походе. Так погибшие сами сложили себе памятник».

Когда с перевала на озеро бросается остервенело ветер санташ, старики говорят, что души убитых рвутся из Китая на родину. Но бывает, — с противоположной стороны озера, из Буамского ущелья, дует с такою же силой западный ветер — улан. Тогда на концах Иссык-куля вскипает буря, а в середине тишь и гладь. Один ветер убивает другой.

Необыкновенно синее и прозрачное, окруженное снеговыми хребтами, соленое озеро Иссык-куль — одно из любопытнейших озер мира. По поверхности оно в десять раз меньше Аральского моря, а по объему воды больше его почти в два раза. Недаром здешние крестьяне-переселенцы называют Иссык-куль морем. Глубина его достигает до 702 метров.

Вечным кругооборотом воды знаменит еще Иссык-куль. Высокие горы, окружающие озеро, почти не пропускают

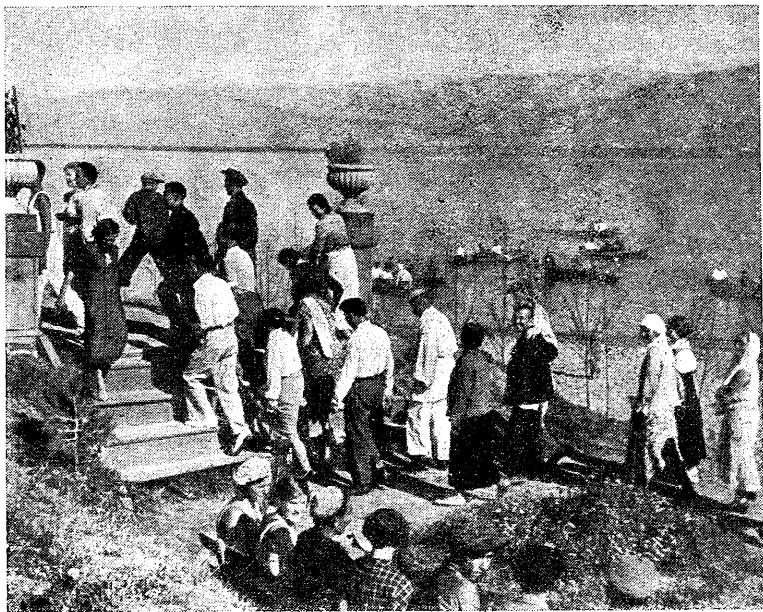
извне облаков в котловину, но и не выпускают из озера ни капли влаги. Испаряясь, вода поднимается туманами и облаками, оседает на снежных хребтах и восьмьюдесятью четырьмя ручьями низвергается обратно в озеро.

С юга и с севера двумя мощными, сходящимися на концах дугами, опоясывают Иссык-куль хребты Терской-алатау и Кунгей-алатау. По-киргизски кунгей — обращенный к солнцу, терской — отвернувшийся от солнца. Названия эти имеют определенный смысл. Словно гигантское зеркало солнечной силовой установки, вбирает в себя и концентрирует солнечные лучи водная гладь озера. За лето вода так прогревается, что зимой не успевает отдать все тепло и не замерзает, несмотря на большую высоту над уровнем моря — 1 579 метров. А ионов в воздухе Иссык-куля больше, чем в воздухе Тихого океана.

Добавьте к этому мягкий горный климат—лето здесь не жаркое, зима не холодная, нет резких колебаний температуры между днем и ночью, добавьте обилие ультрафиолетовых лучей, добавьте морские купания в озере, вода которого обладает ценными лечебными свойствами, добавьте неисчерпаемые резервы прекрасного кумыса. Все это выдвигает Иссык-куль на одно из первых в мире курортных мест.

Пройдет немного лет, и вокруг озера вырастут дворцы. Сотни наполненных ветром парусов забелеют у пристаней, тысячи байдарок, яликов, катеров и яхт, отражаясь в воде, поплывут вдоль берегов. Иссык-куль превратится тогда в озеро отдыха всесоюзного значения. И как бы залогом этого прекрасного будущего, ныне на южной стороне озера уже стоят недавно отстроенные корпуса первого кумысолечебного, горноклиматического и одновременно морского курорта Койсара.

Красивое зрелище открывается, когда подъезжаешь к Койсару на одном из пароходов, курсирующих по Иссык-кулю. Навстречу выплывают лодки, оставляя позади себя на воде долго не стирающиеся следы. Синева озера резко ограничивается золотистым песчаным пляжем, расцветченными одеждами и телами купальщиков. Пляж этот так широк, что зеленеющие за ним луга рисуются глазу лишь в виде узкой полоски, которая подчеркивает лесистые склоны отступивших от берега на несколько километров, увенчанных снегами гор. А раскинувшиеся посреди пляжа санаторные строения, благодаря песчаному фону и игре свето-

Отдыхающие на курорте Койсара.

тени, до того сливаются с ландшафтом, что, если бы выступы крыш местами не врезались в фон предгорий, можно было бы подумать, что и дома вылеплены архитекторами из того же песка.

Койсара целебно действует на больных туберкулезом легких, суставов и костей, и особенно знаменита как прекрасный нервный санаторий. Но еще большей известностью и славой пользуется другой, расположенный в Иссыккульской котловине, высокогорный курорт Джетты-огуз. Находится он в двенадцати километрах от озера, в горном ущелье, на высоте 2 200 метров над уровнем моря.

Семь огромных песчаниковых скал ярко-красного цвета лежат у входа в это ущелье. Едва минуешь их, как открывается кольцо необыкновенно чистых по тону и богатых по цветовой гамме красок. Зеленоватый поток, пенясь, катится по камням мимо трех корпусов санатория. Вокруг него на склонах стройно стоят тяньшаньские ели, и из земли выступают покрытые желтыми лишайниками ска-

лы, меж которых разбросаны зеленые лужайки с круговинами кустарников. Белые и желтые цветы шиповника, розовые—жимолости, белые кусты боярышника, малины, таволги и калины, темные заросли можжевельника и, на фоне белоснежных гор, мгновенно вспыхивающее яркое оперение пролетающих птиц,—никакая палитра не в силах исчерпать всех красок этого высокогорного оазиса, в центре которого бьют сильнейшие в мире радиоактивные ключи.

Радиоактивность джеттыгузовского источника исчисляется 248 единицами по Махе на 1 литр. Это, примерно, в пятьдесят раз больше, чем на обычных лечебных радиоактивных курортах. Как и другой известный киргизский курорт Иссыг-ата, Джетты-огуз исключительно благотворно влияет на ревматиков и на страдающих женскими, кожными и нервными болезнями.

Кроме Койсары и Джетты-огуза, в Иссыккульской котловине есть еще два курорта — Тамга и Аксу. А на окружающих озеро хребтах из расщелин в скалах выбивается несколько щелочных и сернистых источников.

Гигантская естественная физиотерапевтическая лечебница, созданная природой как бы специально для того, чтобы бороться с людскими недугами,— Иссык-куль, однако, еще два десятка лет назад был, как и вся Киргизия, не столько больницей, сколько кладбищем.

Эпидемии оспы, холеры, чумы и тифа время от времени охватывали все Тяньшаньские хребты, пробираясь даже в природные карантинные долины, путь к которым лежит через десятки снежных перевалов. Кожные заболевания, трахома и малярия были в Киргизии бытовыми болезнями. Характерные голоса плакальщиц по мертвецам звучали в горах не умолкая.

И в эти дни единственный на Иссык-куле, практиковавший в городе Пржевальске, врач писал в докладной записке министерству здравоохранения, что «киргизам лечебной помощи и не надобно, ибо кочевой образ жизни спасает их от грязи, а ежели по собственному нерадению они и подвергают себя болезням, на то у них искусно владеющие киргизской медициной бакши существуют».

Кто в Киргизии не помнит бакши — этих знахарей, бормотавших заклинания под аккомпанемент комуса и плясавших с ножом в руках, чтобы злые джины испугались и выскочили из тела больного. Кто не помнит, что джины,

выбежав из больного, имели скверное обыкновение тут же залезать в привязанных к юрте верблюда и барана; и потом бакши уводил животных с собой, дабы уберечь стада от порчи.

Когда нужно было установить диагноз, бакши заставляли больного проглатывать с куском мяса крошечную иглу, сквозь которую была продета нитка. Иголлка «дограгивалась до пораженного места и узнавала болезнь». Потом ее вдоль всего пищевода вытягивали обратно.

Рожице заталкивали в рот шерстяной аркан, чтобы вызвать тошноту и предродовые потуги. А если ребенок все же не торопился появиться на свет, роженицу завертывали в войлочные кошмы и катали по земляному полу юрты.

Когда человек заболел кок-джоталем — синим кашлем — туберкулезом, ему давали сосать перо сизоворонки, а если его лихорадило, раздевали донага и избивали теплыми внутренностями зарезанного козла.

Каков был толк от «киргизской медицины», лучше всего видно из отношения кочевников к советским врачам. В первые годы советской власти залугиваемые манапами и баями безграмотные пастухи бывало с опаской встречали многие мероприятия, шедшие со стороны «русских», но медицина сразу завоевала их сердца.

В самом глухом урочище санитарную палатку, прикатившую из-за хребта, вмиг окружали мужчины и женщины, и врачам приходилось иногда давать здоровякам подкрашенную водицу под видом лекарства, чтобы те не обиделись и ушли удовлетворенными. Медицина стала своего рода юношеским увлечением целого народа, которого в течение столетий беспощадно косили болезни. Именно с врачей в первые годы советской власти часто начиналось проникновение идей социализма в горные аулы.

Постепенно медицина сделалась в Киргизии необходимой частью быта. В городах и селениях выросли поликлиники, больницы, амбулатории, диспансеры, родильные дома, детские консультации и ясли. Появление лошадей с красными крестами на куржумах стало привычным в самых отдаленных районах.

Лечебно-санитарные караваны — это ведь целые комплексные экспедиции по оздоровлению трудящихся: не только врач и фельдшерицы, но кооператор и повар играют в них одинаково важную роль.

Во многих горных местностях кочевники никогда раньше не видели фруктов и овощей. И вот рядом с санитарной палаткой повар устанавливает треножки, начинает хлопотать над кастрюлями и потом устраивает для селения угощение из овощных блюд. Пока он рассказывает гостям о пользе витаминов и о том, как готовить различные кушанья, кооператор разбивает около него походный ларек. Изображенная на плакате с зубной щеткой в руках девушка кажется на фоне гор особенно красивой. А в ларьке у ног ее лежат тюбики зубной пасты и мыло, и сельские аптечки, и мешочки с семенами овощей, годных для высокогорного земледелия.

Но многообразнее всего работа врача лечебно-санитарного каравана. Кроме приема больных и противоэпидемических прививок, он проводит беседы о санитарии и гигиене и обязательно обходит в сопровождении оживленной толпы все селение, чтобы подвести итоги республиканского соревнования юрт на чистоту.

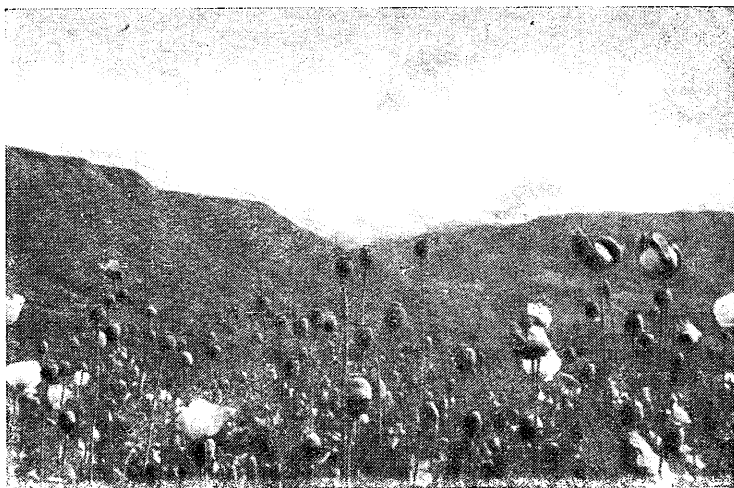
Уже уходят в прошлое времена, когда овцы жили вместе с хозяевами, все чаще встречаются в юртах и в мазанках детские уголки, и у многих колхозников на почетном месте стоит патефон — премия за образцовое содержание жилища.

Больше трехсот врачей работает сейчас в Киргизии, 252 медицинские точки отмечены карандашом на географической карте, висящей в республиканском Наркомздраве.

Каждый год на озере проводится всекиргизский водный праздник. Солнце, сверкающее на веслах, загорелые тела пловцов, летящая по воде тень прыгнувшего с вышки спортсмена, — как не прославить их народным певцам, если еще недавно киргизы вообще не умели плавать и в большинстве даже не подозревали о существовании такого искусства.

Летом на Иссык-куль устремляются сотни туристов со всего Советского Союза; их фигуры с рюкзаками за плечами уже примелькались жителям селений, расположенных вокруг «поднебесного моря», как зовут свое озеро старожилы-лодочники.

Они везут обычно туристов за несколько километров от Койсары, останавливают лодку и сквозь прозрачную воду указывают на груды камней, желтеющих в синей глубине. Тут же они рассказывают легенду о затопленном городе.

Поле опийного мака.

Эти груды камней, покрываемые бегущими из-под кормы легкими бороздами воды, исчерченные торопливым движением рыбьих стаяк, опоясанные мерно качающимися водорослями, приобретают и впрямь некоторую стройность, особенно если глядеть на них глазами романтика.

Счастье и богатство в народных сказаниях всегда лежали на дне озер — недоступные и далекие. Нынешние иссыккульские жители связывают свои мечты о счастье с работой на полях, с отдыхом в санаториях, окружающих замечательное киргизское озеро. Наше счастье — на земле.

ДОРОГИ

Сотни выючных троп взбегают на хребты из Чуйской, Ферганской и Иссыккульской долин. Извиваясь по пастбищам, огибая скалы и утесы, сходясь узлами в глубине ущелий, они перекидываются через снежные перевалы, расползаются по высокогорным долинам и, пробежав несколько сот километров, добираются до отрезанных от мира многими перевалами, пограничных с Китаем районов.

Оседланный киргизский иноходец, осторожно ступающий по каменистым осыпям, умеющий преодолевать крутизну,

бодро трусящий над пропастями, пересекающий бешеные потоки под водопадами или по перекинутому с берега на берег шатким жердям, на которых для устойчивости положены большие камни, — таков был еще недавно единственный вид транспорта на тьяньшаньских хребтах.

Все выючные тропы Киргизии были выбиты копытами животных, и это отражено в их названии: по-киргизски тропа — кой джол — овечья дорога. Кроме кой джолов, существовала у киргиз одна грандиозная дорога — куш джол. Но трасса ее проходила не по земле, а по небу: куш джол — дорога перелетных птиц — киргизское название Млечного пути.

Расстояние между овечьей и звездной дорогами — так на киргизский лад звучит тема, волновавшая человечество в течение тысячелетий, тема противопоставления земли и неба — тяжкой, безысходной действительности и далекой, неосуществимой мечты. Стоит взять любой маленький участок социалистического строительства, например прокладку дорог в Киргизии, чтобы увидеть, как тема эта получила свое историческое разрешение. Люди сделались хозяевами своей мечты.

Постройка автомобильных дорог на Тянь-Шане — это не только определенное количество рабочих рук, машин, аммонала и щебня, но и глубокая революция в экономике, быте и сознании вчерашних кочевников.

Уку Тавалдыев — суеверный пастух, боявшийся, вероятно, и адского огня и волосяного моста, предназначенного для грешников, был одним из строителей Чонкеминской дороги. Жизнь его раньше казалась застывшей и неизменной: день за днем, год за годом он водил по пастбищам овечью отару, и единственным постоянным собеседником его был бич, которым он стрелял поразительно гулко, чтобы все люди окрест знали: «Здесь Уку Тавалдыев пасет овец». И вот биография его стала измеряться километрами новой дороги.

На первом километре, дрожа от страха, он запалил фитиль шнура, протянутого к заряженной аммоналом скале, и потом, отбежав, насколько хватало сил, присел на корточки, зажал ладонями уши и с ужасом ждал взрыва. Спустя две недели, на третьем километре, он уже приглашал навещавших его односельчан полюбоваться картиною взрыва и снисходительно подтрунивал над их робостью. На пятом километре он первый раз в жизни, правда еще по скла-

дам, прочел в газете написанную о нем заметку. А на десятом километре газету он читал уже свободно и несказанно насмешил дорожных техников задумчиво сказанной фразой, что «земля вроде как бы и земля, а на самом деле шар». Мир оказался куда сложнее, чем ему рисовалось раньше, с каждым днем все многограннее становились его вопросы, обращенные к инженерам. В нем пробудилась жажда знаний.

На пятнадцатом километре он уже понимал толк в динамите и аммоните и сдал испытания на звание мастера взрывных работ. На двадцатом километре он и его бригада дали самые высокие производственные показатели и возглавили социалистическое соревнование. Когда все двадцать пять километров пробитой в скалах дороги были закончены и первый автомобиль, при громадном стечении народа, привез товары в его родное селение, на празднике, устроенном в честь этого события, народные певцы сложили о Тавалдыеве песню:

Шла к горам волна, волна из золота
Билась в скалы и назад откатывалась,
Лишь взлетали брызги вверх по тропочкам,
Лишь привез ты как-то ситец бабушке.
Ай, Тавалдыев! Приятель наш!
Проколот ты горы длинным вертелом,
Начал жарить их, как диких уток,
Разлетались скалы, словно перышки.
Очень страшно стало твоей бабушке.
Ай, Тавалдыев! Приятель наш!
И идет теперь волна из золота,
Сквозь хребты прошла она и кинулась
Золотой рекою к нам в селение.
Прибежала в лавку твоя бабушка.
Ай, Тавалдыев! Приятель наш!
Накупила десять платьев бабушка,
Двадцать туфель накупила бабушка,
Скоро сто наперстков купит бабушка!..
И смеемся мы с тобой над бабушкой.
Ай, Тавалдыев! Приятель наш!

Песня эта пошла кочевать по хребтам. Ее поют теперь в самых отдаленных районах Киргизии. Так к Тавалдыеву пришла слава.

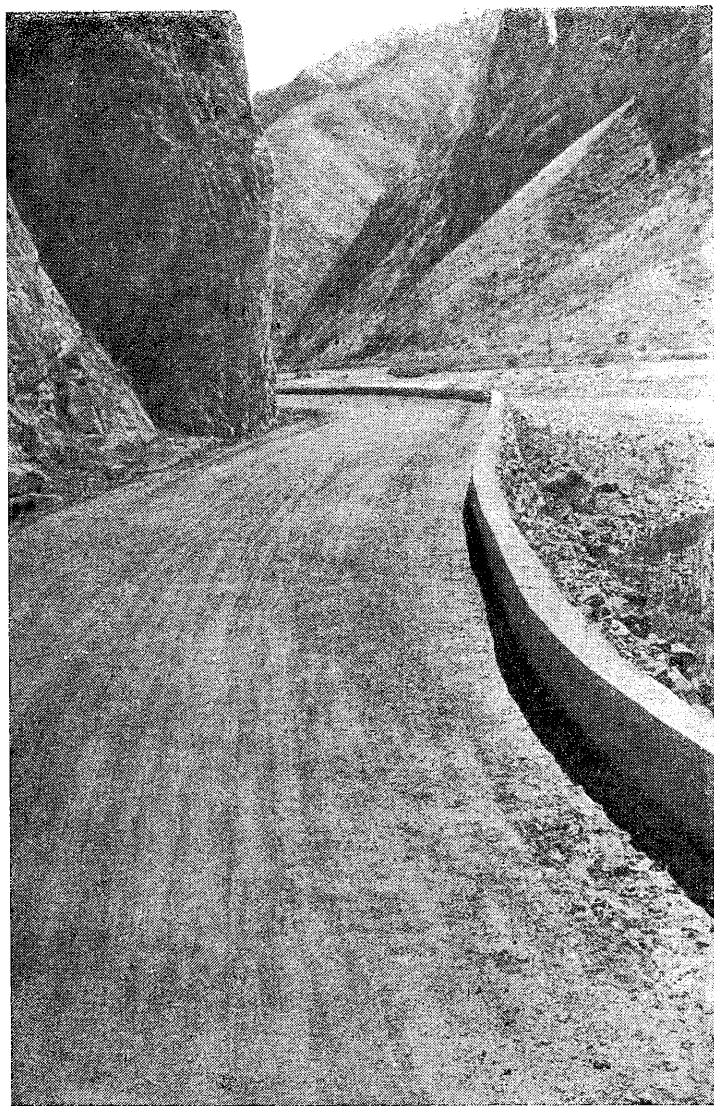
А Чонкеминская дорога стала дорогой в жизнь для десятков строивших ее колхозников. Некоторые из них учатся ныне в столичных школах и техникумах, некоторые вместе с Уку Тавалдыевым включились в строительство Великого Киргизского тракта — восьмисоткилометровой автомагистрали, которая пересечет весь массив Тяньшаньских хребтов и свяжет северную Киргизию с южной, Фрунзе с Ошем.

Роль постройки горных дорог для экономики Киргизии особенно ярко видна на примере Кетмень-Тюбинской долины. Заброшенная далеко в горы плодородная котловина, в которой засеивается 30 тысяч гектаров пшеницы и ячменя и даже возделывается 5 тысяч гектаров хлопка, была оторвана от всего мира. Сельскохозяйственные машины перетаскать через перевалы было невозможно, и еще года три назад землю здесь обрабатывали первобытными мотыгами—кетменями (от них произошло и название долины).

Однажды в Кетмень-Тюбинской долине появился необычайный караван — на верблюдьих боках висели части автомобиля «газика», полученного районным исполкомом в качестве премии за перевыполнение хлопкового плана. Этот первый автомобиль, который здесь собрали и для которого горючее привозили тоже вьюком из-за гор, положил начало увлечению кетмень-тюбинских колхозников техникой. Они решили распахнуть ей ворота, решили своими силами пробить сквозь скалы дорогу к Ферганской долине.

Стотридцатикилометровая дорога теперь построена. Колонны тракторов двинулись по вьющейся над рекой Нарыном дороге на поля Кетмень-Тюбинской котловины. Грузовые машины завезли сюда электростанцию и звуковую киноустановку. А колхозники, строившие дорогу, стали шоферами, трактористами, киномеханиками, электриками и рабочими нового хлопкоочистительного завода в Кетмень-Тюбе. Дорога изменила хозяйственный облик долины и открыла кочевникам все богатство культурных профессий.

Среди новых горных автомагистралей особенно славится дорога Ош—Хорог, связывающая Киргизию с Восточным Памиром. О ней, как и о других трактах Киргизии, можно рассказать немало любопытных историй. Можно вспомнить, как до революции целый батальон солдат три месяца

Киргизский тракт Фрунзе—Ош.

ца тащил через Алайский и Заалайский хребты колокол для хорогской церкви. Но по-настоящему эта дорога знаменита другим: на этой трассе в историю Киргизской республики вписана одна из ее самых героических страниц.

В 1935 году за Алайским хребтом зима началась неожиданно рано, ударили лютые морозы, бураны завалили снегом тракт, перевалы закрылись на два месяца раньше обычного, и торговые организации не успели завезти на Восточный Памир зимний запас продовольствия и товаров. Над Горно-Бадахшанской автономной областью встал грозный призрак голодной зимы — зимы без хлеба, без соли, без сахара и без тех минимальных предметов культурного обихода, которые на Памире стали за годы советской власти необходимыми: без мыла, без тетрадей для школьников, без учебников и книг.

И вот союзное правительство решило на выручку киргизам и таджикам, населяющим Горно-Бадахшанскую область, послать по тракту Ош—Хорог продовольственную экспедицию.

Ни одному человеку никогда раньше не удавалось пробиться зимой сквозь Алайскую долину. Среди бадахшанских киргиз существует легенда, будто некогда один могучий батыр собрал со всего Памира ветра и снега и сбросил их на чужеземные войска, шедшие из Алайской долины; а ветрам этим и снегам так понравилось зрелище человеческой смерти, что возвратиться обратно на Памир они не захотели. В легенде этой много наблюдательности — на Памире, благодаря сухости воздуха, снегов и ветров действительно бывает мало, в Алайской же долине снега выпадает так много, что его наверняка хватило бы на весь Горный Бадахшан, и всю зиму здесь без передышки бушуют необыкновенно суровые вьюги.

2 декабря 1935 года колонна тракторов и грузовых машин с продовольствием выехала из Оша по Памирскому тракту. В Ферганской долине ничто тогда не говорило еще о зиме, колхозники убирали на полях хлопок, и желтая пыль стеною летела вслед за грузовиками.

Экспедиция поднялась на Алайский хребет и остановилась в укромном месте между скал, занесенном снегами селении. Декабрь ушел на то, чтобы забросить сюда запасы горючего и продовольствия. И в канун нового года шоферы

и трактористы, дорожные рабочие и инженеры, политрабогники и ехавшие сменять памирских пограничников красноармейцы двинулись дальше.

С первых же шагов дорога в горах оказалась до того заваленной снегом, что ее можно было отыскать лишь по кончикам телеграфных столбов, которые, словно вешки, торчали на крутых поворотах. Гусеничные тракторы с укрепленными впереди них снегоочистительными площадками не могли бы пробиться сквозь эту снежную толщу, если бы все участники экспедиции не разгребали вокруг них лопатами снег. Вслед за тракторами по проложенной в снегу глубокой траншее шло около двухсот грузовиков с продовольствием.

Шутка, родившаяся в пути среди трактористов, что им приходится убирать снег не только с тракта, но и со всего Алайского хребта, была недалеко от истины: от детонации тракторов беспрерывно возникали лавины, они летели с вершин, увлекая по пути огромные массы снега, заваливали траншею, и ее все вновь и вновь надо было расчищать.

Экспедиция двигалась на высоте свыше трех тысяч метров над уровнем моря. На такой высоте, как известно, «каша варится долго» (ибо температура кипения воды ниже ста градусов), шоферы мучаются с горючим (ибо мотор теряет в мощности до 40 процентов), и человек, даже физически не напрягающийся, слышит гневные удары своего сердца, протестующего против непривычного атмосферного давления и разреженного воздуха.

А участникам экспедиции приходилось работать по пятьдесят часов без отдыха, так как при сорокаградусных морозах каждая лишняя остановка грозила вывести машины из строя — от мороза легко могли полопаться трубы в радиаторах. Нужно было спешить еще и для того, чтобы уложиться в график, чтобы ни одной буханки хлеба, ни одной горсти соли, предназначенных для горнобадахшанцев, не съесть в пути самим.

Быстрота требовала необыкновенной четкости работы. Какова бы ни была погода, в точно размеренные часы повара заезжали вперед, складывали снеговые хижинки и ставили над очагами котлы с крупною и мясом. Завидя дым этих походных кухонь или пламя сигнальных факелов, сделанных из консервных коробок (если дело происходило ночью), рабочие, сопровождавшие хозяйственную машину, начинали

спешно рубить топорами замерзший хлеб и разогревать его на выхлопных трубах моторов.

Не только выдержки и огромного напряжения физических сил, но и творческой изобретательности требовала быстрота от каждого участника экспедиции. Не говоря о всяких ухищрениях, к которым прибегали шоферы и трактористы, чтобы оградить моторы от морозов, изобретательность эта особенно широко проявилась в способах прокладки самого тракта. На многих подъемах было выгоднее прокладывать новую трассу, чем убирать с дороги снег. И работники экспедиции прокладывали новую трассу, взрывали скалы по всем правилам техники дорожного строительства, совершали необходимые земляные работы, и колонна неудержимо двигалась дальше.

Около Катинарга — последнего перевала на Алайском хребте — один из рабочих вспомнил о бьющих неподалеку горячих серных источниках. Незамерзающие источники эти решено было использовать для постройки ледяной дороги. Несколько десятков километров заваленного снегом тракта облили водой, вырубили на льду насечки и обсыпали его щебнем.

Едва колонна миновала ледяную дорогу, как с Катинарта открылся необыкновенный вид — сплошная пелена летевшего по воздуху сухого и жесткого снега скрывала от глаз Алайскую долину. От шороха снежинок шел такой немолчный гул, что казалось, в долине работают опромные мельничные жернова, и в гул этот вплетался свист стремительного и леденящего ветра. Грузовики сплошной лентой спустились в эту стихию и, пробиваясь сквозь снежные заносы, стали пересекать Алайскую долину.

Снег вокруг них мчался по воздуху со скоростью 15—17 метров в секунду; в переводе на быт экспедиции это значило, что стоило грузовику отстать на десяток шагов от идущей впереди машины, как дорогу приходилось расчищать заново. Снежная же пелена перед глазами была до того густой, что шофер не только не видел кузова переднего грузовика, но и капот своей машины рисовался ему лишь в виде скользящей впереди сероватой тени.

Буквально ощупью пробралась колонна через Алайскую долину, поднялась на Заалайский хребет, преодолела еще несколько тяжелых перевалов (из которых, например, перевал Ак-Байтал расположен выше Монблана: высота его 5 200 метров над уровнем моря) и ровно в назна-

ченный срок, 15 января, проделав в общей сложности более 400 километров, достигла своей цели—памирского селения Мургаба. Жители Горного Бадахшана до последнего дня не верили, что автомобили благополучно доберутся к ним. Узнав о приближении машин, они на яках и лошадях съехались в Мургабу из всех окрестных селений, и встреча экспедиции вылилась в волнуемое народное празднество.

Разгрузив продукты и предметы культурного обихода, колонна тронулась в обратный путь и 27 января вернулась в Ош. Правительственное задание было выполнено—население Восточного Памира получило зимний запас продовольствия.

Но значение экспедиции оказалось куда шире этой конкретной задачи. Весной, едва горные тропы очистились от снега, сотни людей (не только из-за Алайского хребта, но и из глухих селений центрального Тянь-Шаня) приехали в Ош поступать на курсы шоферов. Профессия водителя машины после этой экспедиции стала в сознании рядового киргиза такой же привлекательной и героической, как профессия зимовщика после челюскинской эпопеи.

НОВОСЕЛЬЕ

Гребни хребтов и узкие ущелья отделяют друг от друга Тяньшаньские высокогорные долины. Самые низкие из них, лежащие на высоте от полутора до двух тысяч метров над уровнем моря, издавна были и основными жизненными центрами киргизского народа. Крупнейшие из этих долин—Таласская, Кочкорская, Нарынская, Атбашинская, Тогуз-Тораусская, Кетмень-Тюбинская, Чонкеминская—представляли раньше собою своего рода большие удельные княжества.

Посреди каждой такой долины, около бурной реки, перебрасывающей свои воды от одного изгиба к другому и наполняющей воздух гулом валунов, ударяющихся под водой, стояла обычно большая белая юрта манапа, расписанная орнаментами. Вокруг деревянного переплета ее остова висели нарядные, прошитые цветной шерстью циновки.

А внутри нее, кроме традиционной горы одеял и подушек, можно было увидеть вещи для юрты необычай-

ные — трофеи лихих грабежей. Здесь можно было наткнуться и на крытое чернью китайское изогнутое кресло с позолоченными ручками, и на двуспальную кровать, всем видом своим свидетельствующую о ее российском купеческом происхождении.

Рядом с юртой феодального князька, меж зарослей боярышника, рябины и облепихи, стояли его зимняя мазанка, юрты нескольких жен и юрты «дворовых» слуг. Семьи батраков валяли и разрисовывали тут войлочные кошмы для своего князя, взбалтывали в мешках из козьей шкуры пенистый кумыс для его стола, коптили в дыму очагов конскую колбасу, приготовляли брынзу и сладкий овечий творог — иримчик, и катык — особую простоквашу, варили в котлах кужу — похлебку из проросшей муки, и бешбармак — баранье жаркое, жарили в масле баурсаки — крошечные кусочки теста, и гнали водку из кумыса, смешав его с верблюжьим молоком, чтобы была крепче.

Манапский «двор» окружали мазанки и юрты аткаминеров — княжеских дружинников. Верные слуги и сотрапезники князя, аткаминеры были его вооруженной силой в межродовых столкновениях, они же служили основой его господства и внутри рода. Опираясь на них, манап осуществлял освященное родовыми обычаями право родоначальника, казнить и миловать, право отобрать у своего сородича все, до последней рубашки.

Необыкновенно жестокой была эксплуатация киргизских крестьян-скотоводов манапами, и чудовищны были формы расправы с людьми, пытавшимися противиться княжеской воле: их привязывали к хвостам диких лошадей, закапывали живьем в землю, прогоняли через их тела отары овец, сбрасывали с отвесных обрывов.

Российский империализм, захватив тьяньшаньские хребты, сохранил этот порядок вещей и построил на нем свое господство. Манап получил звание волостного старшины. Он платил подати и давал взятки «царским аткаминерам», как метко окрестили киргизы русских чиновников и приставов. И вся тяжесть этих поборов легла на трудящихся, ибо родовой вождь был бесконтрольным хозяином их имущества — любая вещь формально принадлежала роду, и ею самолично распоряжался манап.

Поддерживаемые царскими властями, манапы грабили все беззащитнее. Народ нищал, а они богатели. Сохра-

нив за собой права родовых вождей, маналы сделались в то же время крупнейшими на Тянь-Шане баями. Из высокогорных долин на далекие среднеазиатские рынки гоняли аткаминеры продавать табуны маналских лошадей и отары овец. Многие из аткаминеров сами превратились в баев — в купцов и ростовщиков.

Экономика Киргизии стала капиталистической, а юридический быт попрежнему оставался феодально родовым. Попрежнему манал был неограниченным владыкою своего княжества. Как и встарь, судьи, выбираемые из аткаминеров, судили и рядили по адату. И волостные центры Российской империи кочевали вместе с юртой манала.

После революции первым шагом советской власти было возвращение на родину киргиз, бежавших в 1916 году в Китай. В этих условиях маналы сразу разоблачили бы себя в глазах всего народа, если бы открыто выступили против ненавистной им власти рабочих и крестьян. Поэтому с первого же дня, стараясь захватить руководство, феодальные князья стали перекрашиваться под коммунистов.

Это удавалось им тем легче, что на всем Тянь-Шане только они и были грамотными, и за ними сохранился авторитет родовых вождей. Русским же большевикам в ту пору не легко было разобраться во всей сложности событий, трудно иногда бывало даже просто вызвать на откровенный разговор бедняка-скотовода, ибо недоверие киргиз к русским имело глубокие исторические корни.

Дм. Фурманов в «Мятеже» описал одного такого перекрасившегося князька — Тиракула Джиназакова, председателя Комиссии ТурЦИК по помощи киргизам-беженцам:

«Тиракул Джиназаков происходит из богатейшего рода. Он один из виднейших маналов. У отца его и до сих пор немало скота. Как личность — он весьма неприятен: бранчив, завистлив, зол, скандален и склочлив. Шовинист до последней степени. За ним числятся разные «грешки», но от ответственности каким-то образом он ухитряется отвертеться. Теперь, оказывая помощь беженцам-киргизам, он дает понять, что здесь чуть ли не его личная добрая воля: хочу — дам, хочу — нет.

Можно подумать, что, пожалуй, и добро он раздает свое, а не государственное: во, дескать, каковы мы, маналы, помогаем бедноте!»

Работая председателем Комиссии ТурЦИК, Джиназаков

был в то же время активнейшим участником созданной манапами и баями контрреволюционной националистической организации «Алаш».

В первые годы советской власти бывало и так: пролезет ставленник манапа на руководящий пост и принимает в члены большевистской партии всех своих знатных сородичей, а киргиз враждебного рода исключает. Одно удельное княжество начинает ходить сплошь с партийными билетами в карманах, другое числится контрреволюционным.

Опираясь на бедняков, в сложном переплетении классово-и межродовой борьбы, приходилось молодой Советской республике завоевывать доверие широких трудящихся масс Киргизии. Помощь киргизам-беженцам, земельная реформа, наделившая бедняков землей, охрана прав батраков, первый призыв пастухов в шахты, ликвидация безграмотности, врачебная помощь — каждое из этих мероприятий вызывало против себя бешеную борьбу баев и манапов и укрепляло все глубже в сознании бедняков понимание сущности советской власти, вырабатывало грамотных, честных, преданных идеям коммунизма людей.

В приветственной телеграмме большевикам Киргизии в 1925 году товарищ Сталин писал:

«Кара-Киргизская область, упирающаяся одной частью в китайский Туркестан, другой смотрящая через Гиндукуш, на великий Индостан, занимает особо-важное положение в деле распространения идей советов на Востоке. Задача кара-киргизских работников состоит в том, чтобы вовлечь трудовые массы области в управление страной, помочь построить хозяйство, укрепить советы, улучшить администрацию, поднять национальную культуру, сделать власть родной и близкой народу и тем показать окружающим народам на деле превосходство советского строя над патриархальным, феодальным и буржуазным строем»¹.

Эти слова стали творческой программой киргизских большевиков. И чем глубже входила советская власть в сознание трудящихся Киргизии, чем больше вчерашних батраков и пастухов выросло в грамотных партийных и советских работников, чем решительнее партийная организация очищала свои ряды от ставленников баев и манапов, тем ожесточеннее становилось сопротивление бывших «удельных» князей и их аткаминеров.

¹ «Правда» от 11 мая 1938 года.

Киргизская комсомолка.

Свое растущее классовое сознание народ выразил в двух ярких пословицах. Одна относилась к перекрасившимся князьям:

«Если маналский сын будет изображать из себя мост, не переходя через него».

Другая—к их бюрократической деятельности в советских органах:

«Одна собака приказывает другой, а та приказывает своему хвосту, и успокаивается».

Буржуазные националисты шли по стопам Тиракула Джиназакова: двурушничество, удар в спину из-за угла, грязная клевета, вредительство сделались содержанием их жизни.

Один из вопросов, вокруг которого с наибольшей длительностью и остротой разгорелась в Киргизии классовая борьба, был вопрос об оседании кочевников. В этой борьбе буржуазные националисты нашли себе яростных союзников в лице контрреволюционных троцкистов и бухаринцев.

Троцкисты издевательски говорили, что в стране кочевников о строительстве социализма и думать нечего, поэтому-де первым делом нужно посадить кочевников на землю. Насильственный перевод кочевников на оседлый образ жизни, который начали было проводить в некоторых долинах троцкисты, конечно, не мог удалиться и был рассчитан на то, чтобы вызвать озлобление киргизских трудящихся масс. Всем хозяйственным и бытовым укладом киргизы-скотоводы были связаны с кочевым образом жизни, все скотоводство держалось на использовании богатейших тьяншаньских пастбищ.

Когда контрреволюционный смысл этого мероприятия стал ясен для всех, троцкисты сманеврировали и вместе с правыми паникерами, вместе с феодальными князьками стали утверждать, что киргизам-скотоводам сама природа предназначила быть кочевниками. Выводы отсюда следовали те же — в Киргизии социализма не построишь. Так сколотился блок право-левацких контрреволюционеров и буржуазных националистов.

Большевистская партия, беспощадно разоблачая этих врагов народа, выбрала единственно правильный путь решения вопроса об оседании кочевников.

Вместе со всей Советской страной трудящиеся тьяншаньских долин ликвидировали своих баев и маналов на базе колхозного строительства. Основной формой обобществлен-

В новом доме киргиза-колхозника.

ного хозяйства для Киргизии было выбрано товарищество по совместной обработке земли и выпасу скота. Коллективизация постепенно изменила весь хозяйственный уклад кочевников и преобразила бывшие зимовки — центры «удельных княжеств».

В каждой такой зимовке на месте юрты манала выросли первые крытые конюшни и чистые овечьи сараи, в которых скотина оставалась зимой. Около них, среди прибрежных кустарников, одна за другой поднялись крыши ветеринарного пункта, брынзоваренного заводика, травофуражной базы, кооператива, школы, амбулатории.

Созданная киргизским правительством Алайская зональная опытная сельскохозяйственная станция разрешила проблему высокогорного земледелия. И пшеница совершила в Киргизии свой «горный поход». Из Чуйской и Ферганской долин она поднялась до трех тысяч метров над уровнем моря и заполнила хлебами все высокогорные долины республики. Хребты Тянь-Шаня превратились в живые, все время изменяющиеся диаграммы успехов работ советских селекционеров: каждое продвижение культурного растения на север (риса до Москвы, винограда до

Горького, картофеля до Кировска) равносильно здесь продвижению на несколько десятков метров высоты, отвоенной у гор.

На краю высокогорных поселков возникли здания машинно-тракторных станций, вокруг них стали зеленеть и разрастаться пашни.

Кштоу перестало быть только зимовкой, оно сделалось оживленным центром, с которым киргиз-колхозников стали ежечасно связывать насущнейшие интересы. Двигаться же всем каждую весну вслед за своими стадами на пастбища при коллективном хозяйстве стало незачем: с пастбой скота прекрасно справлялось несколько колхозных пастухов. Остальным выгоднее было приложить свои силы к строительству дорог, к разным ремеслам, к работе на пашне.

Едва коллективное хозяйство дало ощутительные результаты, едва жизненный уровень колхозников начал расти изо дня в день, как оседание кочевников стало происходить само собой — чем дальше, тем стремительнее. В 1936 и в 1937 годах то в одной, то в другой долине каждый день кочевники перетаскивали свой скарб из юрты в светлый дом нового социалистического поселка.

Буржуазные националисты, поддерживаемые контрреволюционерами из право-троцкистского блока, ушли в глубокое подполье, связались с иностранными разведками и превратились в шайку шпионов и диверсантов. Некоторым из них, опираясь на свою многолетнюю работу в советских органах, удалось сохранить за собой на время высокие государственные посты в Киргизии. В лютой ненависти к своим бывшим чайрикерам, малаям, пастухам и рабам, ставшим хозяевами тьяньшаньских гор, эти вчерашние князья и аткаминеры широко организовали вредительства, проводили диверсионные акты.

Славные наркомвнудельцы с помощью трудящихся масс Киргизии разоблачили их и смели с лица земли.

Девять десятых кочевого народа теперь уже справило новоселье—праздник, в котором столы и кровати, оконные стекла и крылечки у порогов полны прелести новизны и исторического значения. Около четырех тысяч тракторов и пятисот комбайнов, принадлежащих МТС, бороздят пашни Киргизской республики. 91,7 процента трудовых крестьянских хозяйств вступили в колхозы. Вчера еще сплошь неграмотные, задавленные нищетой и гнетом,

пастухи превратились ныне в трактористов, учителей, ветеринаров, агрономов, колхозных конюхов, библиотекарей, — все богатство, все творческое разнообразие профессий открылось им. И талантливейшие из них были призваны народом управлять своим государством, стали депутатами Верховного Совета СССР и Верховного Совета Киргизской республики.

Колхозница-стахановка Сурахан Кайназарова, пастух-орденоносец Джаньбай Кененбаев, колхозник-опытник Камбаралы Сурабаев, совхозный чабан Тюгельбай Сакьяев, заведующий колхозной животноводческой фермой Бешимбай Алапаев, колхозница-звеньевод Огульджан Тохтобаева — десятки вчерашних кочевников выросли ныне в государственных деятелей. Знаменитая на всю Киргизию доярка Калыма Аманкулова, депутат Совета Национальностей СССР, работает ныне заместителем председателя Верховного Совета Киргизской республики.

Нет больше нищеты и закрепощенной Киргизии — страны феодальных княжеств. За двадцать лет Киргизия прошла огромный путь государственного развития. Вместе с хозяйственным и культурным ростом народа росли и формы его государственности. До национального размежевания Средней Азии Киргизия входила в Туркестанскую советскую социалистическую республику. В 1924 году была выделена Кара-Киргизская автономная область. Через два года XIII съезд советов постановил преобразовать Киргизскую автономную область в автономную республику. И, наконец, с принятием Сталинской Конституции Киргизия стала союзной республикой.

Историческая вражда между высокогорными долинами канула теперь в вечность, стерлись выжженные на лошадях и овцах родовые гербы.

По тропкам, на которые горные куропатки выходят клевать конский помет, съезжаются ныне из всех окрестных долин гости на праздники — на аламан-байгу — к колхозникам, справляющим новоселье.

И встречающий их на пороге нового дома хозяин не спросит гостей, какого они рода-племени. Он введет их в дом, угостит, расспросит с достоинством о том, о сем. И лишь когда после обильного угощения развяжутся у гостей языки, быть может, случайно он вспомнит, мельком улыбнется, вздохнет:

— Эх, нету здесь очага посреди комнаты. А то бы на огонь кинул бы я для вас, дорогие гости, сухой полыни пучок. То-то был запах!

И гости тоже вспомнят знакомый всем запах горячей на очаге полыни, заулыбаются. И спустя мгновение, словно дым, бесследно растает это воспоминание — быть может, последнее воспоминание о кочевом быте.

ЗОЛОТОЕ РУНО

Пастбища. Вряд ли есть в Киргизии более значительное, более богатое содержанием слово. Оно раскрывает и историю скотоводческого народа, и его бытовые особенности и национальные черты. На русском языке ближе всего передает широту его смысла слово «Земля», земля с большой буквы — олицетворение силы, плодородия и богатства.

Больше половины всей территории Киргизии занято пастбищами. У подножья гор расстилаются, поросшие ковылем и мятликом, южные степи, выгорающие в середине мая от солнца. На нижних и средних склонах хребтов зеленеют высокотравные луга умеренной зоны, осененные местами редкими купами ив и берез. Над ними в полосе еловых лесов разбросаны лесные поляны, расцветенные лютиками, одуванчиками и конским щавелем. Еще выше простирается пояс цветущих альпийских пастбищ. А под самой кромкой вечных снегов можно встретить тундровые лишайники и кустики оленьего мха.

подавляющее большинство тьяншаньских пастбищ расположено на высоте 1 800—2 800 метров над уровнем моря, в зоне высокотравных лугов. Именно здесь находится сердце Киргизии — страна золотого руна.

На заре человеческой истории древние греки в своих легендах поместили богатство на край света. Таким краем света была для них тогда сказочная Колхида, в которой огнеглазый дракон охранял золотое руно. Чтобы украсть его, аргонавтам пришлось пуститься на всякие хитрости. И все же легенда эта была оптимистичной — греки верили в силы человека.

В Киргизии о богатстве сложили пословицу куда более пессимистическую: «Разбогатеть так же трудно, как вырыть колодец иголкой». И сказки о золотом руно здесь начали складывать лишь спустя два тысячелетия после греков. Но об этом речь впереди.

Раньше киргизский скот был круглый год на подножном корму. И каждую зиму то на одну, то на другую долину, то на весь народ надвигалось тяжкое бедствие — джут. Когда долина засыпана снегом и после оттепели налетает буран, пытаясь сорвать с юрт оплетающие их крепкие ремни, когда овцы жмутся друг к другу, чтобы кучею встретить снежную беду, когда пастбища обледеневают и даже лошади, сильные киргизские лошади, не могут пробить копытами лед и достать себе траву из-под снежного наста, тогда-то и наступает джут — массовый падеж скота от бескормизны.

В течение столетий джут был для кочевников самым страшным словом. В некоторые зимы от джута погибало больше половины всего поголовья киргизского скота.

Выписанные после джута 1927/28 года киргизским правительством из России косари были первыми учителями тяньшаньских колхозников-скотоводов. Они научили пастухов косить траву, заготавливать на зиму сено. И простое мероприятие это было откровением для целого народа, стало вехой в его истории. Так был ликвидирован джут.

Вслед за косарями пришли агрономы. Они научили колхозников сеять кормовые травы. Вокруг высокогорных селений стали разрастаться поля желтой люцерны, красного клевера и овса. Наконец, в горы пришли ботаники. Они изучают дикие травы, растущие на ранневесенних, дефицитных в Киргизии, пастбищах. Среди местной флоры ими уже найдены питательные, засухоустойчивые и щелчевыносливые травы, которыми можно засеять предгорья. Так созданы предпосылки для коренной переделки природы в масштабе всей Киргизской республики.

Овцы издавна были основным богатством тяньшаньских кочевников. Сек — годовалый баран — служил здесь разменным рублем. Количеством секов измерялась цена одежды и конской сбруи, измерялась и величина калыма, который нужно было выплатить, чтобы иметь жену.

Когда кто-либо из киргиз резал барашка, он, по родовому обычаю, обязан был пригласить на угощение всех сородичей. И овечья туша делилась на одиннадцать частей: голова с одним боком полагалась маналу, курдючное сало с другим боком — баям и биям и т. д., вплоть до шеи, которую получали пастухи, и кишок, приходившихся на долю женщин. И положение киргиза в этой социальной лестнице

определялось прежде всего количеством его овец. Манапы и бай владели многотысячными отарами, бедняки — двумя-тремя овцами, батраки же работали круглый год за право доить две-три хозяйских овцы.

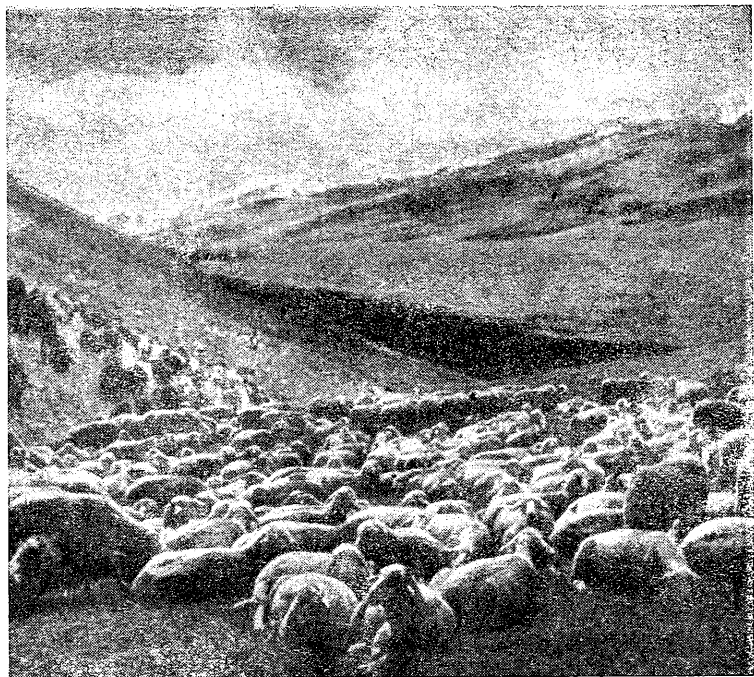
Киргизская овца оказалась в центре классовой борьбы и в дни коллективизации. Кулацкий убой скота принял в Киргизии свои специфические формы. Вся весна 1930 года была на хребтах сплошным пиршеством. Манапы и бай резали овец, устраивали пышные угощения своим бедным сородичам. И сородичи эти в благодарность за угощение должны были каждый пасти десяток манапских овец и перед органами советской власти утверждать, что овцы принадлежат им. А бай, ежели у него нет овец, он уже, выходит, и не бай! Так кулаки, широко используя родовые связи, перекрашивались в бедняков.

Этот маневр был разоблачен самими бедняками. Киргизский народ вместе со всей Советской страной ликвидировал своих баев и манапов. Овцы сделались достоянием колхозников. Товарищества по совместной обработке земли и выпасу скота стали укрепляться. Первые культурные овечьи загоны и сараи выросли на тьяншаньских хребтах.

Но так как Киргизия была тогда страной неграмотной и едва ли не самой отсталой в Советском Союзе, здесь особенно много баев и феодальных князьков сумело укрыться от первой волны коллективизации. И борьба приняла новые формы.

Курдюк, обыкновенный сальный курдюк киргизской овцы, сделался предметом яростной байской агитации. В это время перед Киргизией была поставлена задача метизации овечьего стада тонкорунными овцами. Этого настоятельно требовала и растущая текстильная промышленность, и интересы самих колхозников — за шерсть с каждой тонкорунной овцы колхозники получают в десять раз больше денег, чем с грубошерстной киргизской овцы. Метизация означала в Киргизии громадный рост доходов колхозников и вместе с ним полное закрепление колхозного строя.

Понятно, буржуазные националисты всячески пытались сорвать метизацию киргизских овец. Слова о том, что «киргизу неприятен даже самый вид овцы без курдюка и с хвостом», подкреплялись ссылкой на овчарок. Киргизским собакам, действительно, вид овцы с хвостом был непривычен, они привыкли отгонять от отар хвостатых

На высокогорном пастбище.

коней и коров. И, когда привезли сюда первую партию новокавказских мериносов, многим из них собаки оторвали хвосты. Это событие было подхвачено баями в качестве центральной темы контрреволюционной агитации. Но собаки не оправдали байских надежд—быстро освоились и с хвостатыми овцами. И на Тяньшаньских пастбищах закрепились первые «алтын-кочкоры».

«Алтын-кочкор» слово новое, но уже прочно вошедшее в киргизскую речь, слово, которым вчерашние бедняки-скотоводы подвели итоги величайшим в их жизни событиям. «Алтын-кочкорами»—золотыми баранами—в Киргизии называют «вюртембергов», «прекосов» и «рамбулье»—тонкорунных овец, которыми ныне метизировано уже почти все овечье стадо республики.

Сдача тонкорунной шерсти резко подняла благосостояние киргизских колхозников. Уже в 1937 году больше сорока

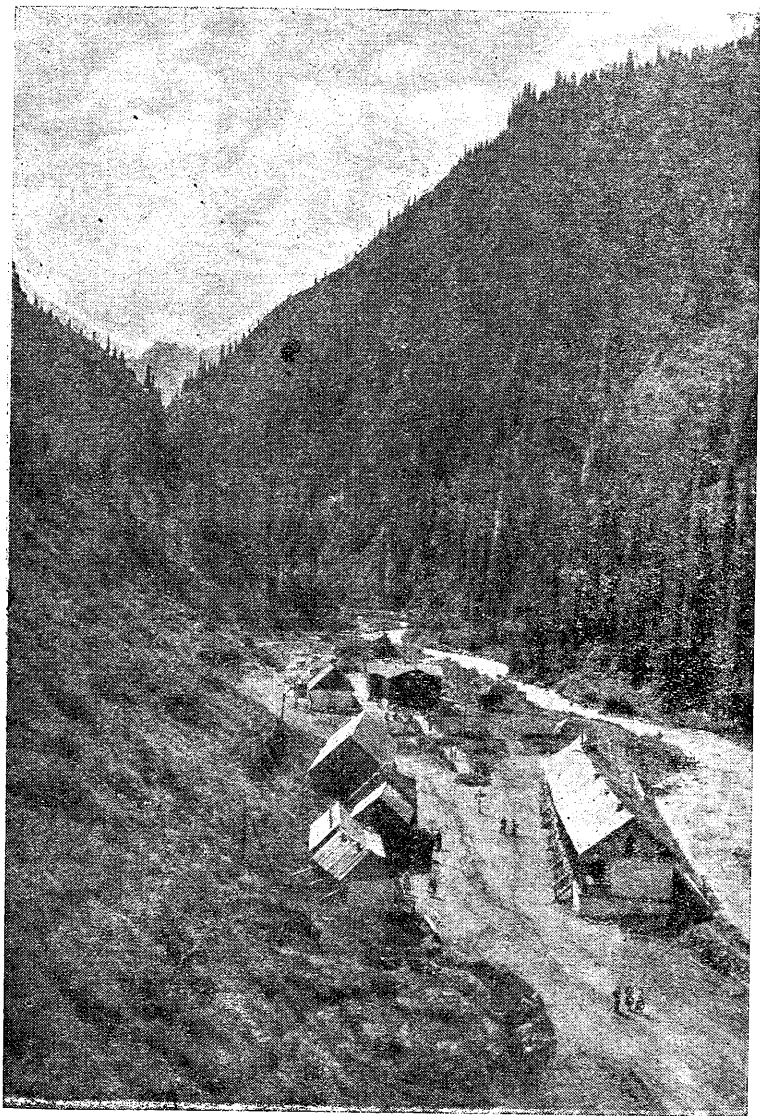
киргизских колхозов сделались миллионерами. Так древняя сказка о золотом руне получила свое историческое завершение.

Каждую весну многотысячные отары «алтын-кочкоров» поднимаются из долин на горные луга. Их ведут колхозные чабаны и гуртоправы. Только пастухи в Киргизии и поныне остались кочевниками: как и встарь, все лето они кочуют по пастбищам, как и встарь, они вслед за овцами переносят с места на место свои войлочные юрты. Но и в жизни тяньшаньских пастухов, в их быте произошли невиданные изменения. Кочевье становится теперь культурным.

С наибольшей яркостью этот процесс социалистического переустройства кочевья, этот подъем культуры виден в своеобразных «пастушьих столицах» Киргизии — на Сусамыре, Аксае, Арпе, Алае. Долины эти, расположенные в зоне высококотравных лугов, славились на протяжении столетий не только среди киргизских, но и среди казахских и таджикских скотоводов. Богатейшие пастбища, зимою безлюдные, летом превращаются в гигантские скотные дворы, по которым от края до края пасутся отары овец, стада коз и коров, косяки кобылиц.

Окаймленная ледяными горами овальная долина, длиною около ста и шириною около тридцати километров, Сусамыр лежит на высоте 2 600 метров над уровнем моря. Кружево тропок на фоне зеленых пастбищ, ковры цветов всех оттенков — незабудки, и горные маки, и белые ветряницы, темные заросли кустарника алтыкана, одинокие ивы и березы, склонившиеся над ручьями, прозрачные дымки над юртами, на земле выжженные кострами плешинки, овчарки, стремительно обегаящие отару овец, чтобы повернуть ее в сторону, всадники в широкополых шапках из белой мерлушки, огромные движущиеся стада — таково первое впечатление от Сусамыра, едва спустишься в долину с перевала Утьмек.

Стоит, однако, чуть углубиться в Сусамыр, как навстречу начинают попадаться необыкновенные «кочевники», люди невиданных здесь раньше профессий. Библиотекарь ездит верхом на лошади от юрты к юрте, вынимает из переметных куржумов журналы и книги и меняет их своим кочующим читателям. Облепленная плакатами повозочка кочевой сберкассы останавливается среди поля по первому оклику пастуха-вкладчика. У людного перекрестка тропи-

Санаторий Джетты-огуз.

нок бойко торгует развозная лавка Кирпотребсоюза, над нею, чтобы видно было издали, развешивается красный флажок. Рядом бригада киргизского театра развешивает на легких шестах бутафорию и бубном созывает зрителей. Около «красной юрты» (кочевой избы-читальни), над которой высятся шесть радиоантенны, футбольная команда гуртоправов состязается с командой табунщиков. Ватага ребятишек окружает руководительницу кочевой детской площадки—юрта с игрушками стоит на лугу, усыпанном цветами. Вспоминается и кинопередвижка: светлый квадрат экрана на фоне черного неба, сгрудившаяся толпа верховых зрителей, гул восторженных возгласов и осторожная переступь конских копыт.

Посреди Сусамыра летом вырастает поселок. В одной из юрт здесь располагается, выбираемый пастухами на лето, сусамырский джайлауный совет. Вокруг него работают отделение почты, маленький родильный дом, зоотехнический и ветеринарный пункты. Каждое лето здесь проводится животноводческая выставка, на которой можно увидеть лучшие образцы метизированных овец, можно увидеть и плоды опытных работ киргизских генетиков: гибриды овцы с диким бараном — архаром, и гибриды домашней козы с таутеке—горным козлом. Пастухи даже с далеких пастбищ съезжаются на выставку и учатся тут на краткосрочных курсах животноводству, искусственному осеменению овец, ветеринарии.

И каждое лето на Сусамыре устраиваются состязания народных певцов. Под аккомпанемент домбры и комуса они воспевают любимых девушек, высмеивают соперников, складывают песни о пограничниках и гуртоправах, славят страну золотого руна.

КОНИ

На откосе звучно жуют лошади. Из-за кромки хребта плывут ослепительные дорожки утреннего света. По склону рваными кусками сползает облако, струйками прорывается оно между веток арчевого куста. Далеко внизу, в долине, угадываются глазом пятна мазанок, извилистая лента дороги, дымок над пашней. Но вот долина уже задернута клубящимся облаком. Наверху меж двух камней показывается краешек солнца. От внезапного порыва ветра колыхнется трава, ярче становятся тюльпаны. Ласковая

овчарка притрагивается горячим языком к ладони хозяина. Вот оно, утро табунщика, утро на альпийских лугах — на джайлау, в заповедных землях киргизского народа.

Если на всех хребтах Тянь-Шаня отделить полосу, лежащую между 2 800 и 3 200 метров над уровнем моря, перед глазами раскроется особая страна со своей историей, со своими обычаями и интересами.

До революции здесь была «удельная вотчина» кочевых феодальных князьков. О тяньшаньских альпийских лугах, не имеющих в мире равных, бедняк мог лишь мечтать. Каждое лето то на одном, то на другом джайлау богачи-скотоводы не могли мирно поделить пастбища, и тогда возникали в горах кровавые родовые распри, о которых и по сию пору в Киргизии повествуют эпические сказания. Теперь альпийские луга с их низкой, но удивительно питательной травой принадлежат самым почетным, самым знаменитым в республике людям — колхозным табунщикам.

Ни одна из религий не пустила глубоких корней на хребтах Тянь-Шаня. Остатки язычества здесь переплетались с исламом. Да и мусульманство было лишь формальным — никто не строил в горах мечетей, женщины не укутывали чадрую лиц, и законы шариага были бессильны перед адатом — обычаями киргизского народа. И единственным всенародным культом, вознесенным почти на религиозную высоту, являлся у киргиз культ коня.

Незаменимый товарищ в боевых набегах, поилец и кормилец (не только в переносном, но и в буквальном смысле: из кобыльего молока делается кумыс, а из конины готовятся многие киргизские блюда), друг, на спину которого можно, кроме юрты, взвалить и весь нехитрый скарб кочевника, — конь издавна олицетворял сущность киргизского быта. Недаром в народных сказаниях повествуется о лошадях, о жизни их и смерти, так же подробно, как о людях, и многие из этих сказаний оканчиваются характерною поговоркой: «Чему только не подвергаются голова человека и копыто лошади».

Ни на одном языке нет такого богатства названий для лошадей всех возрастов и мастей, как на киргизском. Образ коня пронизал представления кочевника, его словарь и эстетику. «Ат лау аманба?» — «Хорошо ли провожаешь лошадей?» — обычное приветствие. Бедняк по-киргизски — джетак, в переводе — лежащий. Это значит, что он

без лошади. Подкулачник — аткаминер — ездящий на лошади. На «плоскокопытных и медноногих манекерях» совершали легендарные батыри свои подвиги, на «кормящихся васильками тулпарах» скачут и поныне герои народных песен.

Производными от лошадей именами называли киргизы своих сыновей. От коней же пошли сотни географических наименований. Глянешь на небо, и там лошадям отведено почетное место: джетты-каракчи, семь воров — семь звезд Большой Медведицы — вечно кружат вокруг Полярной звезды — алтын-казыка, золотого кола, к которому привязан чудесный жеребец; воры жадно глядят на него, но никак не могут незаметно приблизиться, ибо тысячи людских глаз с земли наблюдают за ними, и не бывает такой секунды, когда никто на свете не смотрит в небеса.

Поминки ли, свадьба ли — конь участник торжества. Ему вплетают в гриву разноцветные тряпочки, хвост туго перевязывают платком. И вот начинается байга, скачки — любимейший спорт в горах Тянь-Шаня.

Виртуозные мастера верховой езды, умеющие с трехлетнего возраста держаться в седле, киргизы отмечают праздники и другими конно-спортивными играми.

Они борются на лошадях, схватывая друг друга за пояс и стараясь сбросить противника наземь. Они играют в кыз-качкар: девушка скачет на лошади на определенную дистанцию, увертываясь от настигающего ее верхового парня, и отбивается от него свернутым в жгут полотенцем, а парень стремится сорвать приколотый к ее груди пучок разноцветных перьев. И стадионами для этих игр часто служат маленькие, окруженные амфитеатром скалы, долины, вокруг которых на камнях, как на трибунах, располагаются зрители.

Коню принадлежит выдающаяся роль и в социалистическом переустройстве Киргизии. В национальном кавалерийском полку начинали с азбуки сотни нынешних председателей колхозов, врачей и инженеров. Любой киргизский юноша, мечта о службе в Красной армии, видит себя кавалеристом. Недаром в Киргизской республике самой популярной, буквально всенародной спортивной организацией сделались клубы ворошиловских всадников — «Ворошилов атчандары». Каждый год ворошиловские всадники проводят горные переходы, преодолевая труднопроходимые перевалы и ледники. А в праздники колонны

Народные игры на альпийских лугах.

«Ворошилов атчандары» стройно движутся мимо трибун, занимая одно из ведущих мест в параде.

Нужно видеть, с каким волнением, с какой страстью умеют в Киргизии говорить о лошадях:

— Это не лошадь — ртуть на ладони!

Поезжайте с киргизом — врачом ли, писателем ли — летом в его родной колхоз. Прежде всего повезет он вас в горы на альпийские пастбища. Там, за чашкой кумыса, он может с утра до вечера разговаривать с табунщиками, осматривать лошадей, волноваться, радоваться и грустить. И разговор этот будет полон живого смысла, ибо профессия табунщика — творческая профессия, тонкое мастерство.

Среди киргизских «мастеров лошадей» особой славой пользуются работники Чолпонатинского племенного государственного конного завода, Центр киргизского коннозаводства находится именно тут — на берегу озера Иссык-Куль, у подножья ледяного хребта. Сюда через перевалы колхозники гонят косяки кобылиц, чтобы оплодотворить их племенными жеребцами. Отсюда по всем тропкам, взбегающим от Иссык-Куля в горы, разъезжаются зоотехники и ветеринары.

Чолпонатинский конный завод знаменит чистокровными «англичанками», знаменит и отличными рысаками англо-киргизских кровей.

Киргизская лошадь очень вынослива, у нее крепкие сухие ноги, твердые копыта и хорошее сердце. На ней можно проехать сто километров подряд по крутым горным тропам, по каменным осыпям, по карнизам над пропастями, и она не устанет. Ей недостает лишь одного — роста. Метизация ее английской и донской лошадьми дает замечательные результаты.

Имя одного из питомцев завода — жеребца Дербиста — широко известно в Киргизии. В дни коллективизации партия возложила на тогда еще молодой конезавод задачу большого политического значения. Благородный конь англо-киргизских кровей должен был стать одним из средств убеждения неграмотных кочевников в преимуществах культурного животноводческого хозяйства.

Знаменем буржуазных националистов, знаменем манапов и баев был тогда знаменитый киргизский конь — серо-пегий скакун Кук-Ала. Два года кряду на всех скачках он с необыкновенной легкостью обходил лошадей конезавода и приходил к финишу первым. О непобедимом Кук-Ала, у

которого «мясистая шея, как колыбель, и чолка, как размотанный шелк», пели песни на всех Тяньшаньских хребтах.

Когда зоотехники предлагали кочевникам облагородить их лошадей английскими и донскими скакунами, те неизменно отвечали им киргизской пословицей: «Сколько ни говори: мед! мед! — во рту сладко не станет». Ведь ни одна лошадь конезавода не могла обогнать простого «киргиза» Кук-Ала! Победы этого «киргиза» широко использовались манапами и баями, чтобы посеять в массах недоверие ко всем нововведениям советской власти. Так вопрос о Кук-Ала приобрел политическое значение.

Все свое искусство бросили работники Чолпонатинского завода на то, чтобы подготовить своего лучшего скакуна Дербиста к решительной встрече с Кук-Ала. Встреча эта должна была состояться осенью 1930 года. И целое лето в юртах, разбросанных по Тянь-Шаню, шли оживленные разговоры о предстоящей Великой байге, ее ждала вся республика. Бай тоже готовились к этой встрече — самым опытным пастухам поручили они непобедимого Кук-Ала.

В день встречи десятки тысяч всадников съехались во Фрунзе. Жизнь в городских учреждениях, в школах и техникумах замерла. Народ валил валом к столичному ипподрому. Вокруг него образовался гигантский лагерь конных и пеших людей. Казалось, здесь расположились на отдых монгольские орды Чингис-хана: крылатые войлочные шапки киргиз, словно белые птицы, качались над морем оседланных лошадей, украшенных сбруями с бирюзовыми и серебряными подвесками.

И в это утро, когда взоры всей Киргизии были прикованы к беговой дорожке фрунзенского ипподрома, в заезде на восемь километров первым пришел к финишу все тот же «легкий, как ветер» серо-пегий Кук-Ала. Восторженный рев зрителей покатился к Киргизскому хребту и, возвращенный горным эхом, глухо отозвался во всех селениях Чуйской долины.

Взволнованные работники конезавода не согласились, однако, признать себя побежденными. За ними была наука, и по всем расчетам Дербист должен был в беге отбросить назад киргизского Кук-Ала. И тогда было решено, дав лошадям роздых, в тот же день пустить их на двенадцатикилометровый заезд.

Спустя несколько часов снова восторженный рев десятков тысяч людей потряс горы. И на этот раз восторг относился уже к Дербисту—благородному воспитаннику завода, легко обошедшему киргизского скакуна.

Прямо с ипподрома тысячи всадников двинулись к зданию киргизского правительства просить для случки со своими кобылицами Дербиста—коня, о котором ныне поют в одной из песен:

Дрожат у него ноздри!
Как ковш его губы!
Срезанный камыш его уши!
Тонкий, подъярованный в беге, как змея, жеребец!

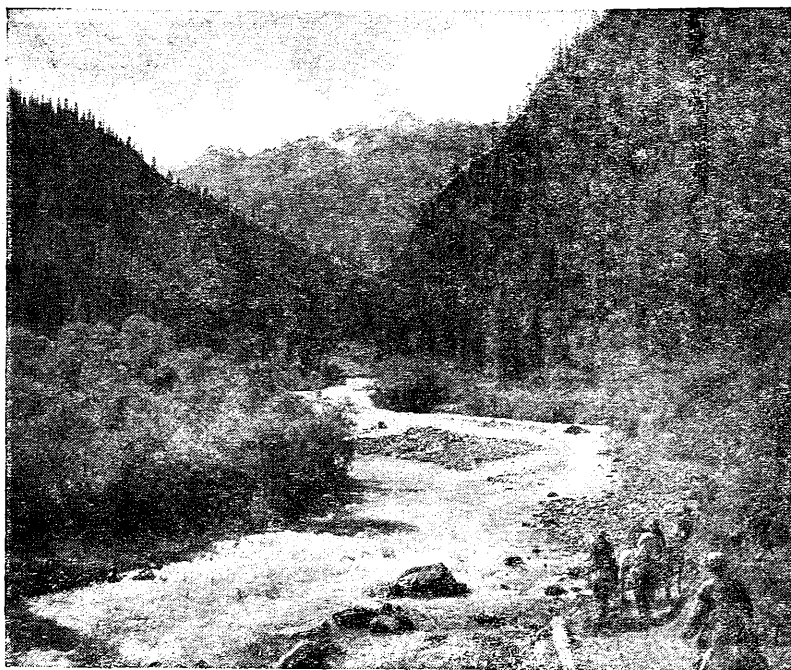
Именно с этого дня Чолпонатинский завод сделался столицей киргизского животноводства. Байская легенда о непобедимости мусульманского, помазанного самим «пророком» Даудом, киргизского Кук-Ала была разрушена. Реальные мази ветеринаров конезавода, лечащих киргизских лошадей, стали пользоваться в горах куда большей известностью, чем мази «пророка», продававшиеся раньше шарлатанами.

Метизируя киргизских лошадей английскими, колхозники выращивают новый тип идеального для Красной армии ремонтного коня, соединяющего в себе выносливость и неприхотливость «киргиза» с резвостью «англичанки». Эти новые кони завоевывают уже всесоюзную славу.

Питомец завода, Зунай выиграл на всесоюзных испытаниях 1936 года большой осенний приз. Жеребец Маргелан пробежал пятидесятикилометровую дистанцию в час пятьдесят минут. Имена этих лошадей знает вся Киргизия. В самом глухом селении можно увидеть их пожелтевшие фотоснимки, вырезанные из газет, прикрепленные к деревянному остову юрты.

ГОРНЫЕ БОГАТСТВА

Летом около озер и водопадов на всех Тяньшаньских хребтах белеют, хлопающие на ветру, брезентовые палатки геологов. Пастухи привыкли к этим новым «кочевникам» и запросто приходят к ним в гости узнать о новостях, потолковать о бытовых и личных делах. Кочевья геологов превратились в культурные центры. И характерная особенность этих культурных центров в том, что советские геологи умеют сочетать творческую научно-исследовательскую работу, сочетать новейшие геофизические методы разведки

В горах.

(магнитометрию, и сейсмометрию, и радиометрию, и гравиметрию) с повседневной работой по ликвидации неграмотности среди табунщиков и гуртоправов.

Суеверие было широко распространено среди киргиз-кочевников. Иногда киргиз, ехавший по своим делам в соседнюю долину, делал огромный крюк в сторону, чтобы обогнуть какое-нибудь ущелье, где, по народным верованиям, поселился гигантский удав-людоед или многоголовый дракон.

Один геолог, долго работавший в Киргизии, рассказывал, как полтора десятка лет назад он исследовал горы вокруг озера Сон-куль. Проводником у него служил местный исыпчи (предсказатель погоды), человек, славившийся во всем районе как прекрасный знаток природы. Вдвоем они лазали по кручам, собирали образцы пород и беседовали на геологические темы.

Там, где геолог видел разноцветные породы третичной,

меловой и торской систем, где серый цвет означал палеозойские известняки, там его проводник видел следы ужасных событий и таинственных предначертаний судьбы. Доломитовые утесы с каминами, и темные осыпи метаморфического сланца, и гранитные пропасти, отшлифованные пропилившими их ручьями, и огромные скалы, зигзагообразно расколотившиеся от действия инсоляции, и сталактитовые пещеры — каждый камень имел для исыпчи магическое значение.

Когда в 1921 году издававшаяся в Пишпекке газета обратилась к читателям с просьбой сообщить о где-либо замеченных ими горнорудных ископаемых, ни одного письма не пришло в ответ на это обращение. Горы тогда были еще «заколдованными», кочевники были неграмотными и газет не читали. Спустя десять лет газета «Советская Киргизия» обратилась к читателям с той же просьбой, и на редакционный стол буквально ливнем посыпались письма, в которых сквозь наивную бедность словаря угадывались новые, пытливые люди, живущие общественными интересами.

Вот одно из писем: «В 26 километрах от станции Карасу, в местности Типик-таш, со склона горы течет нефть, впадая в реку Кара-Дарью. Этот нефтяной источник замечен давно, но, к прискорбию, им никто до сих пор не интересуется. Нефть продолжает течь! Рабкор С.» В другом письме сообщалось, что в дни гражданской войны «басмачи лили пули из свинца, который они добывали в ущелье неподалеку от Курбаша». С этих писем началась полоса замечательных открытий. В горы были отправлены экспедиции, отыскившие и месторождения нефти, и свинцовые руды, и другие залежи полезных ископаемых.

Следом за этим ученые приступили к планомерному изучению геологии Тянь-Шаня. В глубь хребтов по всем выучным тропам двинулась армия геологов, и звон их инструментов о камни да басистые голоса вгрызающихся в скалы буровых коронок слились с пением горных птиц.

Открытие следовало за открытием. Геологическая партия разбивала палатки на склоне хребта, и пастухи вместе со всей страной узнавали, что они ходят по серебру и каменному углю. Всего несколько лет работают в Киргизии геологоразведочные экспедиции, и ими уже открыты в земле неисчислимы богатства.

Два новых больших угольных месторождения — Сюгутинское в Иссыккульской долине и Джинджиганское (около

Кзыл-кии), с прекрасными коксующимися углями—изучены геологами. По самым предварительным подсчетам, произведенным академиком Губкиным, запасы открытых до сих пор в Киргизии углей достигают четырех с половиной миллиардов тонн. Чтобы реально представить себе эту цифру, достаточно сказать, что Узбекская, Киргизская, Таджикская и Туркменская союзные республики могли бы питаться углем Киргизии в течение 1 125 лет, если исходить из нынешней годовой потребности Средней Азии в угле (4 миллиона тонн).

Кроме угля, в Киргизии открыты мощные месторождения нефти, свинца, олова, никеля, цинка, молибдена, меди, вольфрама, серы, сурьмы, ртути, мышьяка, радия, урана, ванадия, бокситов, каменной соли, извести, алебастра, мрамора, охры, умбры, цветных камней. Сказочные богатства были скрыты в земле, на которой столетия мерзли кочевники, сидя у костров, охваченных низким, задыхающимся от тумана, пламенем.

Из девяноста двух элементов менделеевской системы шестьдесят нашли в тьяншаньских горах геологи. И самой чудесной из находок была находка ниобия, индия и галлия—спектроскопически крайне редких элементов. Галлий применяется для производства дуговых ламп в медицине и для изготовления термометров, позволяющих измерять температуру до 1000° Цельсия.

Существует в Киргизии сказка о двух легендарных батырях, которые с неба доставали звезды и которые обладали необыкновенной силой; однажды их захватил в горах жестокий мороз, и они, чтобы согреться, стали бороться между собою, «и такие это были батыри, что пока они боролись, столько тепла пошло от них, что оттаяла одежда людей, и верблюжья выюки, и конская сбруя, и ручьи во все стороны побежали, и зацвели деревья вокруг».

С образностью здесь выражена мысль о неисчерпаемой энергии, скрытой в природе, о неиссякаемых силах, заложенных в человеке. Разве не претворением в жизнь этой сказки является работа советских геологов—людей, открывающих в мертвых камнях животворные источники света и тепла и угадывающих в хаосе скал частицы, из которых можно вылепить прекрасные статуи, отлить блестящие крылья самолетов, построить санатории и ледоколы!

Киргизские хребты расколдованы геологами. И пастухам, ставшим свободными хозяевами своей земли, удастся то,

что не удавалось царским геологам. На рубеже XX века кто-то пустил слух о найденном в Тяньшаньских горах золотом слитке. Жадное воображение нарисовало золотую страну, сотни старателей, таясь друг от друга, кинулись в глубь хребтов, и (если не считать нескольких одиноких энтузиастов) геологи за всю историю владычества царских чиновников в первый и в последний раз всерьез заинтересовались Киргизией. Золотая лихорадка продолжалась в Средней Азии недолго — ни геологи, ни старатели золота не нашли.

И все же золото на Тянь-Шане нашлось. Колхозники-пастухи Нарынского района, спускаясь однажды с альпийских пастбищ, натолкнулись на золотую россыпь. Они с достоинством полюбовались на лежащее у их ног богатство, отобрали образцы, запечатали их вместе с запиской в самодельный конверт и отправили по почте в Совнарком Киргизской республики.

Теперь старательская промывка золота драгами налажена уже в трех киргизских месторождениях: Кукуреу, Санталаше и Кассане.

ЗАОБЛАЧНАЯ ГРАНИЦА

По гребню Кок-Шаала, самого южного из Тяньшаньских хребтов, пролегла граница между Киргизской союзной республикой и китайской провинцией Синь-Дзянь. Пограничная черта то круто взлетает на ледяные пики до шести и семи километров над уровнем моря, то спускается к заваленным снегами высоким перевалам.

Вдоль границы раскинулись знаменитые киргизские сырты — страна с суровой, полной дикой прелести, природой. В остальной части Киргизии есть кое-какой порядок в том, как тянутся горные цепи, перемежаясь с глубокими долинами. На сыртах нет и намека на какую-либо стройность.

Стихия нагромоздила здесь гигантские глыбы причудливой формы и, как бы поленившись, оставила между ними необыкновенно ровные, похожие на степи, плоскогорья. Вырывающиеся из-под ледников потоки то кружатся с бешеным ревом, то текут медленно меж спокойных берегов. Обширные снежные плато сменяются узкими пропастями. В третицах среди отшлифованных скал, отвесных и голых, сияют маленькие озера. Острые пики, украшенные ледяными шлемами, разбросаны в беспорядке.

Киргизские пограничники.

Самые низкие из речных долин лежат здесь на высоте 3 600 метров над уровнем моря. В разгар лета по ночам морозы доходят здесь до 16—20°. Некоторые из этих долин представляют типичную болотистую тундру без единого дерева и кустика, усеянную валунами древних ледников. В некоторых простерлась солончаковая пустыня, над которой ветер вздымает песчаные смерчи; и пропитанный пылью воздух всегда в дымке и мареве. Есть здесь и опоясанные кольцом гор котловины, в которых меж камней зеленеют девственные луга. Древесная растительность тут небогата: местами растет только арча. Этот удивительный древесный кустарник пользуется каждым выступом для защиты от непогод — его пластичные ветви правильно повторяют очертания каменной глыбы, под которой он растет, и все его сучья обращены в одну сторону, как бы сторонясь от ветра, дующего из-за скалы.

Под небом, таким синим, что кажется оно твердым, далеко друг от друга разбросаны по сыртам, укрытые скалами от снежных лавин, маленькие киргизские селения и домики тьяньшаньских пограничных застав.

Советские пограничники на Тянь-Шане работают в исключительно трудных, совсем особых условиях. Боль-

шинство застав представляют собою зимовки, месяцами отрезанные от остальной Киргизии закрытыми на зиму перевалами. Работать на слух здесь почти невозможно — грохотом лавин и шумом горных ручьев заглушаются даже сигнальные выстрелы.

Необыкновенным искусством нужно обладать советскому часовому, чтоб и зрением не потеряться в нагромождении разноцветных скал и утесов, не потеряться в причудливой игре светотени. Нужно глубоко проникнуться всей целостной стройностью движения светотени, чтобы угадать тем шестым чувством, которое развивается у пограничников, нечто противоречащее ее плавному ходу. Это нечто может оказаться и диким горным козлом, и лошадью киргиза-колхозника, может оказаться и диверсантом, пытающимся проникнуть из-за рубежа в Советский Союз.

Советские пограничники охраняют киргизскую границу так же мужественно и самоотверженно, так же искусно, как и любую другую границу нашей великой страны. Зимой и летом, в пургу и туманы советские дозоры обходят ледники и пропасти, переправляются вплавь через бурные речки и, если нужно, взбираются на ледяные вершины.

Быстро пересечь хребты, чтобы неожиданно выйти в тыл диверсантам, стремительно взобраться на господствующий утес, чтобы с него было удобно наблюдать и обстреливать противника, гнаться за ним по кручам, не теряя его из виду, — все это требует глубокого овладения техникой альпинизма. Поэтому альпинизм входит в план учебных занятий киргизских пограничников. Здесь воспитываются прекрасные кадры для горных частей Красной армии.

Очень большую поддержку оказывают тяньшаньским пограничникам киргизские колхозники-охотники и пастухи, живущие на сыртах. Особенно известен среди них народный герой Киргизии, орденосец Кутан Торгоев. Его имя связано с ликвидацией банды Джантая Оманова — одной из значительнейших операций, вписанных пограничниками в историю Киргизской республики.

Сорок с лишним лет назад обосновалась эта банда у китайской границы в обнесенной недоступными скалами, глубокой и плодородной долине Кую-Кал. Оттуда, словно из крепости, бандиты совершали опустошительные набеги на киргизские и китайские селения, грабили жилища, угоняли скотину, насильно уводили с собою девушек.

Все жители сыртов и даже жители Иссыккульской до-

лины были терроризованы бандой Джантая Оманова. Пограничники стали вести с нею упорную борьбу с первых же лет советской власти, но басмачам неизменно после каждого налета удавалось уходить в свою долину. Взять же эту горную крепость штурмом было невозможно, ибо долина Кую-Кап имеет лишь один-единственный выход—вытянувшееся на несколько десятков километров узкое и отвесное ущелье Кзыл-калчигай, метко названное пограничниками «шомполом». В этом «шомполе» один вооруженный басмач мог задержать целую армию.

Особенно остро встал вопрос о банде Джантая Оманова во время коллективизации. Новый главарь банды Кадыр Ахун Качеганов стал поддерживать не только киргизских маналов и баев, но и русских переселенцев-кулаков. Он понимал, что, когда беднота делается хозяйкою гор и стад, когда раздробленные и забытые пастухи объединятся, басмачи не смогут и носа показать из своей щели.

Ликвидация банды перестала быть местным делом. Вопрос шел о счастье киргизского народа. И тогда пограничники задумали сложную и решительную операцию.

Нужно было хитростью выманить банду из долины Кую-Кап и разгромить ее в открытом бою. Приближалось двадцатое декабря 1929 года — день годовщины ВЧК. Огромный караван с товарами двинулся из Каракола на сырты, чтобы снабдить кооперативы высокогорных селений. Со всех колхозов республики съезжались киргизы к Караколу, чтобы участвовать в конных состязаниях, — в Великой байге, назначенной «кзыл-аскерами» на дни праздника.

Стараясь окончательно усыпить подозрения бандитов, на праздники отозвали половину красноармейцев с ближайших пограничных застав. Да и месяц был выбран необыкновенный — месяц, когда перевалы завалены снегом и на сыртах бушуют ледяные вьюги. Расчет был простой: басмачи, прекрасно осведомленные баями обо всем, что делается в городе, должны были выйти из Кую-Капа, чтобы разграбить советский караван. Тут-то их и нужно было заставить принять бой.

Вся трудность, однако, была не в этом. Маленький отряд должен был пробраться к выходу из Кую-Капа незамеченным. Он должен был двигаться сквозь снежные бури по ледникам, по неприступным кручам. Одного мужества тут было мало. Необходим был еще и замечательный, преданный проводник, так как ни одной сносной

карты этих мест тогда не существовало. И выбор остановился на Кутане Торгоеве.

После восстания шестнадцатого года пятнадцатилетним мальчиком бежал Кутан со своими сородичами в Китай от страшных русских пушек. Дорога этой группы киргиз лежала через Кую-Кал. Но банда Джантая Оманова не пропустила киргиз в Китай. Она захватила их стада, поубивала стариков, увела к себе женщин, а мальчиков Джантай поставил пасти свои овечьи отары и конские табуны. Так Кутан стал пленником и пастухом Джантая Оманова.

Нищета и унижение научили его ненавидеть жестоких и жадных бандитов. Он прожил среди них несколько лет, и однажды через неприступный хребет бежал в родное селение. Но знакомых маленьких мазанок, о которых он мечтал в долгие ночи, проведенные около овечьих отар, уже не было. На месте селения торчали лишь развалины.

Тогда Кутан ушел батрачить на Иссык-куль к русским кулакам. Здесь, у берегов синего озера, он постепенно понял, что такое советская власть. Она не давала кулакам его обманывать, заставляла их одевать и кормить его. Прекрасный знарок сыртов, он начал оказывать помощь пограничникам. Он принял их сначала просто, как людей, которые могут помочь ему выполнить вынашиваемую им мечту о мести Джантаю Оманову. Они научили его смотреть глубже и дальше своей личной судьбы. Так он стал настоящим человеком. И ему можно было доверить теперь судьбу целого отряда пограничников.

Три дня и три ночи без отдыха двигались бойцы через хребет, чтобы во-время встретить бандитов. Пробиваясь сквозь метели, идя местами по колено в снегу, карабкаясь по узким горным карнизам, с которых дикий ветер все время сметает снег, шла горсточка смелых людей все вперед и вперед. На одном из ледников лошадь провалилась под лед. Многие красноармейцы обморозили лица и руки. Но пришли они к Кызыл-капчагаю во-время.

Из-за облаков они спустились и ударили в тыл вышедшим из своего ущелья бандитам. В коротком, ожесточенном бою были убиты и главарь — Кадыр Ахун Качеганов — и вся головка банды. Не отдыхая, пограничники стремительно прошли по «шомполу» в Кую-Кал и разоружили остальных басмачей. Так была выполнена эта блестящая операция.

Имя Кутана Торгоева, лучшего проводника и помощника

ка Тяньшаньских пограничников, теперь самое авторитетное имя на всех киргизских сыртах. Вместе с колхозниками он проложил сюда несколько культурных выючных дорог. Вместе с колхозниками и пограничниками он превратил сырты в настоящую крепость.

АРКТИКА НА ЮГЕ

Над альпийскими лугами, над пограничными зимовками, окруженными хаосом каменных глыб, над скалистыми кручами и ледниковыми цирками — над всей Киргизией вздымаются к небесам ледяные вершины. С их плеч по расщелинам медленно текут глетчеры, мощные и угрюмые, усыпанные обломками скал. Сюда, в такую высь, не забредают дикие козлы и архары, не залетают орлы. И на протяжении тысячелетий жизнь в этой суровой стране теплилась лишь в «ледниковом чае» — сине-зеленых водорослях, растущих редкими колониями на поверхности некоторых глетчеров.

Тянь-Шань в переводе с китайского значит небесные хребты. В Западном Китае их называют еще и по-иному: Мус-Таг — ледяные горы. Десятки пиков поднимают над ними свои, как бы пронизанные солнечным светом, голубоватые шалки. И вблизи от синьдзяньской границы, в двух противоположных концах Киргизской республики, словно сторожевые башни, стоят две высочайшие вершины: Хан-Тенгри и пик Ленина.

Горный узел Хан-Тенгри — это десять тысяч квадратных километров арктической земли в Киргизии. Если взлететь здесь летом на высотном самолете, глазам откроется прекрасное зрелище: среди светлозеленых долин и темных склонов гор узел Хан-Тенгри будет лежать гигантским белым пятном ледников и вечных снегов, от которого расходятся вдаль белые гребни хребтов Центрального Тянь-Шаня. В самом средоточии горных цепей, чуть в стороне от их центра, и высится пик Хан-Тенгри — окованная льдом трехгранная мраморная пирамида.

Видный издалека, достигающий семи тысяч метров над уровнем моря, пик Хан-Тенгри еще до революции привлекал внимание исследователей и альпинистов. Однако подступы к нему тогда изучали главным образом иностранные ученые: Боргезе, Фридрихсен, Мерцбахер. Пути же царских географов определялись колониальной экспанси-

ей царизма на восток и пролегли мимо высокогорного массива за границу, в Синь-Дзянь. Китайская пустыня Гоби была русскими изучена лучше, чем окраины Российской империи.

Лишь после социалистической революции развернулось планомерное исследование «киргизской арктики». Комитет СССР по проведению международного полярного года и Всесоюзная академия наук стали посылать сюда одну за другой научные экспедиции. Тяньшаньские пограничники и сотни советских альпинистов начали каждое лето штурмовать труднодоступные вершины. И в глубине хребтов выросли постройки первой в Киргизии научной «полярной» зимовки — Тяньшаньской высокогорной геофизической обсерватории.

Запасы льда в киргизских глетчерах исчисляются десятками миллиардов тонн. Изучение этого золотого фонда среднеазиатских рек и является одной из основных задач Тяньшаньской обсерватории. Кроме того постоянные наблюдения магнитных и атмосферных явлений на такой высоте дали советской науке о земле и небе много ценного материала.

Тяньшаньская обсерватория выстроена около ледника Петрова, на «юге» Киргизского полярного бассейна — на высоте 3 672 метра над уровнем моря. Условия температуры и осадков тут, примерно, те же, что на Новой Земле. Как и на далеком севере, зимовщики живут здесь, месяцами связанные с миром лишь рацией. Жесткие зимние и летние выюги заметают снегом их домики. И советские люди ведут здесь такую же мужественную борьбу со стихией природы, так же стойко и плодотворно работают, как в любой арктической зимовке.

Каждое лето десятки экспедиций отправляются и в глубь «киргизской арктики» — на высоту свыше шести и семи тысяч метров над уровнем моря. Выдержку, выносливость, смелость — эти качества воспитывают в себе советские альпинисты. Однако достижение высочайших пиков не служит для экспедиций самоцелью. Они ставят перед собой прежде всего научные задачи: изучение климатологических и геологических особенностей, исследование ледников, топографические измерения. Но работа гляциологов, геоморфологов и топографов строится так, чтобы вместе с тем облегчить и движение головных отрядов ввысь, к сияющим горным вершинам.

Пик Хан-Тенгри.

Хан-Тенгри—повелитель духов—пик, считавшийся раньше абсолютно недоступным, был завоеван в 1931 году, а в 1934 году альпинисты впервые поднялись на высочайшую вершину Киргизской республики—пик Ленина (7 127 метров). Киргизский полярный бассейн перестал быть белым пятном на географических картах, его изучили и заселили советские люди. Его воспели импровизаторы и поэты.

И основной темой киргизского искусства сделалась «прекрасная гора Алатау», по которой киргизский народ поднимается к вершинам счастья, к вершинам человеческой культуры.

Гидротехники стремятся ввысь, чтобы управлять оттуда горными потоками, несущими жизнь всей равнине. Дорожные мастера пробивают сквозь скалы горные дороги, и по ним во вчера еще глухую, дикую и нищую страну поднимаются ввысь учителя и врачи, кооператоры и артисты. Агрономы лезут ввысь во главе наступающих на хребты пшеничных полей и яблонных садов. Геологи по горным кручам взбираются ввысь, отыскивая руду и уголь для фабрик и заводов всего Советского Союза. Пастухи ведут стада все выше на цветущие альпийские пастбища. И на гребни хребтов поднимаются пограничники,

охраняя с высоты мирную жизнь, работу и мечты советских граждан. Альпинисты завоевывают ледяные пики, показывая образцы организованности, самоотверженности и мужества, свойственных советским людям. И во главе всех колонн идут все выше и выше большевики — организаторы этого замечательного творческого похода.

Именно стремление ввысь — этот стиль эпохи и олицетворил народ в образе «прекрасной горы Алатау». О ней сложены тысячи песен и стихотворений. «Прекрасная гора Алатау» стала поэтическим символом всенародного подъема в гору, символом социалистической Киргизии. И в дни, когда народ закреплял в Конституции Киргизской союзной республики завоеванные им права на творческую, на радостную и счастливую жизнь, он начертал в центре своего герба «прекрасную гору Алатау», ее взлетающие ввысь лиловатые, освещенные солнцем вершины.

11946

